

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

НЕВОЛЬНИК
СИЛЫ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Невольник силы

«Автор»

2009

Самаров С. В.

Невольник силы / С. В. Самаров — «Автор», 2009 — (Спецназ ГРУ)

Бывший офицер ГРУ Вадим Варягов по прозвищу Призрак приехал в российскую глубинку, чтобы по заданию компетентных органов ликвидировать лидеров преступной группировки рейдеров. С самого начала операция не заладилась. Мало того, что Призрак уничтожил не всех, так еще и некоторые из его жертв оказались членами куда более серьезной террористической группировки. Но что забыли террористы на этой малопримечательной земле? Ответ появился очень скоро – вскоре сюда должен приехать президент России...

© Самаров С. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Самаров

Невольник силы

ПРОЛОГ

Дом был невысоким, одноэтажным, внешне каким-то не ветхим, но легким и напоминал японские домики, построенные из щитов с перегородками из рисовой бумаги. Со всех сторон дом окружала невысокая дощатая терраса, огороженная перилами, сколоченными из жердей. Даже странно было представить, что принадлежал этот дом человеку, который владеет несколькими золотиносными шахтами и имеет значительную прибыль с добычи алмазов в другом районе страны. Но это, впрочем, никого не интересовало. Богатые люди имеют право на причуды, а желание время от времени уединиться в скромном доме, вдали от городской суеты иначе, как причудой, не назовешь. Вернее, даже не в доме, а, выражаясь местным языком, в бунгало, где не было даже душа, чтобы смыть с себя дорожную пыль.

А четверо людей, что крадучись, с оглядкой выходили из густого кустарника, частого в здешнем вельде¹, на людские причуды привыкли внимания не обращать. Они вообще-то видели и другой дом, принадлежащий этому же человеку, – громадный небоскреб в центре большого города. И даже знали, что сам он занимает в том небоскребе только два верхних этажа, а на крыше держит два вертолета: собственный комфортный, как лимузин, и боевой вертолет охраны. Кроме того, на крыше располагался еще и пост, где постоянно дежурили два автоматчика и охранник, вооруженный ПЗРК «Стингер»². Более того, один из тех, кто приближался сейчас к бунгало, всегда мог и в здание входить, и беспрепятственно подниматься на верхние этажи.

Здесь, в степи, ничего подобного не было. Здесь сегодня тоже была охрана, как сообщили осведомители, но два даже лицензированных охранника не могли, естественно, ничего противопоставить профессиональным диверсантам. А из четверых людей, подходящих к дому, трое были именно профессиональными диверсантами, хорошо вооруженными, обученными, тренированными и готовыми к любому повороту событий.

Не было здесь и вертолета. Только чуть в стороне от дома стоял старенький, полуразваленный пикап, составляющий весь местный автопарк. Машина, не производящая впечатления, тем не менее вполне пригодная для езды по здешним местам, дорог, по сути дела, никогда не имеющих. Комфортный лимузин смотрелся бы здесь, напротив, крайне неуместно.

Впрочем, вертолету пришлось бы добираться от ближайшей точки базирования до этого бунгало всего-то чуть больше часа. Поэтому, учитывая возможности хозяина, отсутствию приличного транспорта тоже удивляться не стоило. Отстранение от благ цивилизации порой способно восстановить и здоровье, и нервную систему гораздо эффективнее настоящих клиник с полным штатом медицинских работников и обслуживающего персонала.

* * *

– Нганга, где охрана сидит? – по-английски тихо спросил один из вооруженных людей своего единственного невооруженного спутника. Его английский язык был так себе, но все же оставался понятным.

Молодой тощий негр улыбнулся и пожал плечами.

¹ Вельд – южноафриканская степь.

² ПЗРК «Стингер» – переносной зенитный ракетный комплекс производства США, аналог наших «Иглы» и «Стрелы».

– Везде может... Где сядет, там и сидит... Днем один спит, другой караулит, ночью меняются. Где-то с собаками сидит. Слушать надо, как собаки залают. Собаки любят лаять. Где залают, там и охранник... – У негра английский был совсем никудышным.

О встрече с собаками – двумя рыжими риджами³ – диверсанты были извещены заранее и потому подготовились. Все трое проходили специальный курс ликвидации сторожевых псов и при встрече знали как себя вести. Собаки и живут, и спят не во дворе, а дома. Но если будут ночью сильно лаять, их могут выпустить. А могут и не выпустить. На всякий случай прорабатывались два варианта ликвидации – в доме и на улице.

– Почему собаки до сих пор молчат? Ветер от нас, должны были бы услышать, – сказал второй из четверки.

Этот по-английски говорил даже хуже молодого негра, но все же и его все понимали.

– Сейчас залают, – сказал Нганга. – Они голос издали слышат. Мы же говорим. А они слушают... Послушают, подумают – ага, скажут, Нганга пришел... И залают...

Но собаки не лаяли, и это казалось странным.

– Может, он в этот раз их с собой не взял? Ждал гостей и потому не взял?

– А что их брать? Риджи здесь всегда живут. Они ветер любят. Любят ветром дышать. В городе им плохо. Хасангмабута собак любит, в город не повезет... – Нганга чему-то широко улыбался, и его ослепительно белые зубы ярко сверкали при свете луны.

Вооруженные люди переглянулись. В каждом взгляде был вопрос.

– Да мало ли что... – на непонятном для Нганги языке сказал один из них. – Не возвращаться же из-за этого, командир.

– У нас неделя на выполнение приказа, – на том же языке сказал второй. – Если он отсюда уедет, что делать будем? Его небоскреб штормом не взять.

– Идем, – согласился старший. – Предельная осторожность.

* * *

Тремя неделями раньше старший лейтенант и два лейтенанта спецназа ГРУ инструктаж получали не в своем управлении на Хорошевке, а в одном из кабинетов здания ЦК КПСС на Старой площади. Инструкции давал человек, который им не представился, но военная выправка его выдавала. И слова, сказанные человеком, были короткими и сухими, как команды, и произнесены были без интонаций.

– Там, в бунгало, ему передадут эту карту. Ваша задача: с обратной стороны карты скопировать дополнительные условные обозначения на свою карту. Там несколько рядов цифр. Следует быть особенно внимательными. Одна неверная цифра, и ваша работа будет сделана напрасно. Это – главное. И не оставить свидетелей. В случае провала свою карту уничтожить – механизм уничтожения, как я понимаю, у вас должен быть отработан, похищенную карту оставляете как улику против себя. Действуйте в автономном режиме. В случае провала – вы работали только на себя. Наемники, следовательно, никакие международные конвенции на вас не распространяются... И вас интересовала карта золотоносного района, и больше ничего. Кто-то вам заказал ее. Тот человек, естественно, сам выходит с вами на связь. Где найти его – не знаете... Он будет вам звонить в гостиницу в Кейптауне. Потому вы и оставили номер за собой. Если что, подтверждающий звонок будет... Итак... Страна за вами не стоит. Это имейте в виду. Ваши дальнейшие действия тоже самостоятельны. Побег или еще что-то – без поддержки. Как

³ Рыжий ридж – родезийский риджбек, порода крупных охотничьих и сторожевых собак, которых иногда ошибочно называют «охотниками на львов». Риджи в действительности никогда не использовались при охоте на львов. Отличаются полосой шерсти по хребту, растущей от хвоста к голове.

сможете, так и будете выкручиваться... Короче, обычная «автономка». Не мне объяснять вам, что это такое...

– Они понятливые, – сказал полковник, сопровождавший двух лейтенантов и одного старшего лейтенанта. – Относительно «автономки» инструктаж проведен полный, товарищ генерал-лейтенант.

– Тогда – ни пуха... – генерал в гражданском, сухо сохраняя глаза холодными, улыбнулся.

– К черту, – за всех без улыбки ответил старший лейтенант.

Впрочем, у него глаза, наоборот, светились – работа предстояла интересная и совсем не похожая на ту, что офицерам спецназа ГРУ обычно приходится выполнять. Наверное, выполнение такого задания и в службе могло представить какие-то перспективы.

* * *

Личность Нганги была исследована заранее, и характеристики были подходящими: пройдоха, кутила и единственный наследник богатого дяди Хасангмабуту, обиженный на дядю за хроническую жадность. Долги у племянника громадные, отдавать нечем, и средств не предвидится... Вполне вероятно, что долги, как это обычно делается, были специально подготовлены для операции – кто-то постарался поставить Нгангу в трудное, практически безвыходное положение. Зря, что ли, полные данные на него спецназовцы получали не где-нибудь, а напрямую в ПГУ⁴... И потому не стоило удивляться, что молодой разбитной негр с удовольствием пошел на вербовку. Условия простейшие. Он вскоре станет наследником, вступающим в права, а за это выводит людей на любимого дядю – в нужный день в нужное место...

Нганга бывал в бунгало всего дважды. Но этого было достаточно, чтобы обрисовать общую ситуацию здесь, подходы и проходы. Натура полудикого охотника даже в городском человеке еще не умерла полностью, и он все помнил прекрасно. И все обрисовал... Можно было бы даже с собой его не брать, чтобы не убирать лишнего свидетеля. Достаточно было того, что Нганга назвал время, когда дядя Хасангмабуту в сопровождении двух охранников вылетел в бунгало, и подтвердил, что вертолет вернулся без пассажиров. И вертолетчик получил приказ прилететь за хозяином только через три дня. Спецназовцы знали, почему выбран такой срок. В первый день состоится встреча, когда нелегализованные частные геологи, минуя официальную дорогостоящую регистрацию, передадут Хасангмабуту карту геологической разведки. Регистрация чревата еще и тем, что после этого, согласно законам страны, придется участвовать в конкурсе на разработку месторождения. При собственной разведке, согласно тому же законодательству, такой конкурс не проводится, следовательно, лицензия будет стоить в три раза меньше. А это экономия нескольких миллионов фунтов стерлингов.

Нгангу взяли с собой потому, что в городе его слишком часто в последние дни видели в компании трех белых людей. При разработке операции не учли, что Нгангу каждая собака в городе знает, и через каждые десять шагов он с кем-то останавливается поболтать. Но помехой он пока не стал и хотелось надеяться, что не станет. Впрочем, в главную фазу операции его брать никто не намеревался. Привел в бунгало, пусть в стороне посидит. В той же машине, которая скоро станет его собственностью.

* * *

Кусты позволяли беспрепятственно и незамеченными дойти до самого забора из тонкой металлической сетки, натянутой на деревянный каркас. Звенья забора из этих каркасов и

⁴ ПГУ – Первое Главное управление КГБ СССР, ныне Служба внешней разведки России.

состояли и просто навешивались на столбики, поэтому бесшумно снять одно звено было проще простого. Сняли – и прошли к хозяйственным постройкам. Собаки, как ни странно, все еще не подали голоса, и это сильно настораживало.

Дальше уже объяснялись знаками. Командовал, естественно, старший лейтенант. Он показал трем своим спутникам на пикап, чтобы посмотрели, можно ли отсюда будет добраться до своей оставленной вдалеке машине на этой, потом – на обе стороны дома, объясняя, что затем следует блокировать окна, а сам двинулся напрямую к крыльцу, чтобы там прислушаться к происходящему внутри. Но что могло происходить в доме в этот предрассветный час? Там все должны были бы спать, кроме охранника. Однако, похоже, и охранник тоже спал. Спали, кажется, и собаки, что вообще таким хорошим охранникам, как риджи, не свойственно... Естественно было бы предположить, что пост охранника находится сразу за порогом. Старший лейтенант, держа в одной руке автомат, подступил к веранде и свободной рукой потрогал ступени, проверяя их на скрипучесть – рука лучше ноги чувствует надежность опоры. Ступени оказались крепкими и устойчивыми, вопреки внешнему виду самого дома. Старший лейтенант обернулся, сделал знак своим спутникам, чтобы они двинулись к дому, а сам шагнул на первую ступеньку.

...Сначала вздрогнула ступенька. Старший лейтенант, осознав, что происходит нечто непредвиденное, но, не осознав еще что именно, попытался отступить, но было уже поздно – в лицо ударил мощный взрыв, поднимая в воздух и ступени крыльца, и само крыльцо, а потом уже и дом.

Взрывной волной старшего лейтенанта отбросило на несколько метров, а потом накрыло облаком из пыли, огня и обломков дома. Но он сам этого уже не видел.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

1

– Зачем тебе, старый пердун, пистолет. Ты им пользоваться хотя бы умеешь?

Толстомордый омоновец чувствовал себя рядом с седовласым и, кажется, немолодым человеком уверенно, ощущая преимущество не только в возрасте, но и в весе, тем более что по другую сторону от седовласого сидел второй омоновец, высокий, жилистый, резкий и злой, и силу уверенности первого увеличивал кратно своему росту. Рядом с ними, до беспредела крупными, гипертрофированно увеличенными в объеме за счет бронежилетов, седовласый выглядел просто щупленьким и ничтожным, хотя он был человеком обычной комплекции – не крупный и не мелкий, не толстый и не тощий. А сломанный нос и несколько застаревших шрамов на лице делали это лицо не красивым, но достаточно твердым и мужественным.

– А три паспорта зачем? – с переднего пассажирского сиденья спросил молоденький лейтенант с носом, украшенным множеством крупных веснушек. Это именно он пригласил омоновцев, чтобы провести быстрое задержание в гостинице тихого районного центра, затерявшегося в середине России. И сейчас гордился своими действиями, как подвигом. – Коллекционируешь? Или брачный аферист по совместительству? Это нормально – убийца и брачный аферист.

Седовласый спокойно смотрел вперед на появляющиеся в свете фар старенькой ментовской «жучки» ямы и выбоины, из которых, собственно, главная дорога в райцентре и состояла, и, как казалось со стороны, чуть заметно улыбался. Может быть, это даже не улыбка была, а просто рот был так обрисован, что уголки загибались кверху. Но, казалось, что человек улыбается с тихой, чуть отстраненной грустью.

Эта едва заметная улыбка первого омоновца сильно злила.

– Ты отвечать будешь? – Вопрос прозвучал прямой угрозой. – Пистолет, спрашиваю, зачем, и гранаты тоже. Две боевые гранаты – это не пустяк.

– А что, у нас уже официальный допрос начался? – спокойно спросил задержанный. – Не вижу протокола и своего адвоката. Без адвоката я разговаривать не буду.

– Грамотный, козел, – сказал омоновец. – Значит, пора сажать. Всех грамотных пора бы. Чтoб голову нормальным людям не мутили.

– Зря вы так, – спокойно возразил задержанный.

– Что зря? – Омоновец не понял, но вдруг почувствовал какую-то невнятную угрозу в этом спокойном, ледяном голосе. А он на угрозу всегда реагировал адекватно. Так обучен был на уровне условных рефлексов, как собака. – Зря мы тебя не пристрелили там же, в гостинице.

Часом раньше в гостинице райцентра горничная постучала в номер, то ли желая сделать там уборку, то ли просто воду в графине сменить. Ей никто не ответил, хотя в номере работало радио и звучала громкая музыка. Тогда она открыла дверь своим ключом. Оказалось, постоялец мылся в душе и что-то напевал себе под нос. На стуле рядом с кроватью лежали пистолет в подмышечной кобуре и три паспорта в разных по цвету кожаных обложках. Горничная не растерялась. Она сразу подумала, что если их постоялец милиционер или еще кто-то такой же, имеющий право на ношение оружия, то ему вполне достаточно одного паспорта. Она быстро глянула на фотографии. Во всех трех паспортах на фотографиях было одно и то же лицо. Гор-

ничная быстро вышла и даже дверь на ключ закрыть не забыла, а затем направилась к дежурному администратору. Вместе посмотрели регистрацию постояльца. Зарегистрирован он был как пенсионер. Никаких сомнений у администратора не возникло, и она позвонила в милицию. Но не дежурному в райотдел, а своему приятелю, лейтенанту, который прихватил с собой двух омоновцев, подвернувшихся под руку, и сразу выехал для проверки на служебной машине.

В комнату к постояльцу опять постучала горничная.

– Кто там? – спросил спокойный голос.

– Уборку надо сделать, – сказала горничная.

– У меня чисто, спасибо.

– Тогда хотя бы пакет с мусором из ведра забрать...

– Минутку.

Ключ вставили изнутри, и он повернулся. Седовласый мужчина с удивлением посмотрел на два автоматных ствола, направленных ему в грудь. И не сразу поднял руки. И сопротивления он не оказал, хотя сопротивляться было и невозможно. Преимущество и в оружии, и в силе явно было не на стороне постояльца. И вообще седовласый мужчина своим внешним видом не вызывал опасений. Его даже выводили и в машину усаживали без наручников – куда он может деться?.. От пули не убежишь.

Пистолет и паспорта нашли сразу – кобура под мышкой, паспорта в разных карманах пиджака. Больше ничего в комнате не трогали и предупредили горничную, чтобы никого сюда не пускала – приедет следственная бригада из прокуратуры, будет отпечатки пальцев снимать и обыск делать.

* * *

– Ну так что, козел, говорить будешь?

У омоновца явно чесались руки и хотелось найти повод, чтобы почесать их о человека, который, по его представлению, не мог ответить.

Ответ прозвучал неожиданный для мента.

– Во-первых, молодой человек, я не козел и попробую вам заметить, что козлом именно от вас пахнет... Во-вторых, я не молодой, но не пердун. Это я еще раз в сторону вашего запаха делаю выпад.

– Какой запах? – возмутился омоновец, пошевелив плечами, словно желая руку для удара освободить.

И удар последовал. Сразу после следующей фразы седовласого человека.

– Тот самый, который от вас сейчас по всей машине пойдет.

Седовласый внезапно откинул кисти обеих до того лежавших на коленях рук так, что локти ушли вперед, а сами кисти, добавляя резкость, назад отправились. Костяшки пальцев резко ударили сразу обоих омоновцев – точно в челюсти. Удар был предельно резкий и точный, видимо, филигранно отточенный на многочасовых тренировках, и неожиданный. Со стороны такой удар почти незаметен за счет своей молниеносности и малой эффектности, но за счет этого же отличается эффективностью. И оба утяжеленных бронежилетами омоновца сразу обмякли сильными телами, бессильно развалившись на сиденье. Автоматы они держали по разные стороны, около дверей, и руки седовласого, ни на секунду не задерживаясь, действуя полностью синхронно, тут же завладели оружием. Лейтенант на переднем пассажирском сиденье начал оборачиваться только тогда, когда щелкнул второй предохранитель. А когда обернулся, то отпрянул к ветровому стеклу. В глаза ему смотрел автоматный ствол. Второй ствол уткнулся в затылок водителю, старшему сержанту.

– Не суетитесь, молодые люди. И без резких движений. А то затормозите, я могу нечаянно на спусковой крючок нажать.

Он не сказал «на курок нажать», как обычно говорят в народе, он сказал «на спусковой крючок», как говорят военные. Но менты не обратили на это внимания.

– Что?.. – только и сумел спросить лейтенант, до этого казавшийся себе героем дня и не сразу сообразивший, что он уже вовсе не герой и уже едва ли им когда-то станет, потому что упустил редкий для их райцентра шанс. Уже упустил.

– Спокойно поворачивайте на тихую боковую улицу. Какая здесь самая тихая? Вот сюда, да – подойдет. Спокойно и плавно, чтобы мою руку не трясти. Я тряску не люблю.

Машина послушно повернула на совсем темную улицу.

– Остановиться, – прозвучала четкая команда.

Машина встала плавно, потому что водитель боялся резко надавить на тормоз, затылком чувствуя холодный металл раструба пламегасителя АКСУ⁵...

– Ты, лейтенант, мой и свой пистолеты под ноги себе брось. Вот так. Вот так. И не наклоняться. Выходите оба, вытаскивайте омонцовцев. Предупреждаю. Я стреляю хорошо, и темнота вас не спасет. Так что убежать не надо. Не советую.

Менты вышли, открыли задние дверцы с обеих сторон, и автоматы в перекрещенных руках опять смотрели на них, помогая выполнить работу быстро и качественно, можно сказать, с вдохновением. И каждому из ментов казалось, что седовласый человек смотрит именно на него, скосив глаза, чтобы не отворачиваться от второго противника, хотя тот смотрел прямо вперед, в самом деле не выпуская никого из поля зрения. Омонцовцы начали в сознание приходить, и, чтобы это не произошло раньше времени, седовласому мужчине пришлось помочь ментам, вытолкав омонцовцев локтями.

– На одну сторону того и другого.

Водитель потащил своего омонцовца к противоположной дверце. Тот уже ногами переступал, но соображать, кажется, еще не мог.

– В наручники того и другого, наручники крест-накрест. И быстрее.

Наручники нашлись в специальных чехлах на поясах омонцовцев. Казалось, что лейтенант и водитель просто радуются, слаженно и быстро выполняя любимую работу.

– Еще наручники.

Теперь лейтенант нехотя достал из чехла на своем поясе собственные наручники. Водитель с удовольствием защелкнул их. И радостно развел руками. У меня, дескать, наручников не имеется. Рад бы угодить, но нет возможности.

– Кому наручников не достанется, того расстреляю.

– В машине.

– Бери.

Водитель машину обежал, вытащил из кармашка на дверце наручники и прямо там защелкнул одну руку.

– К лейтенанту.

– Ну, ты козел... – первый омонцовец в себя уже пришел.

– От тебя еще не воняет? Сейчас завоняет... Водитель... Себя сцепляй с лейтенантом... Тоже крест–накрест. Шевелись.

Седовласый высунул в дверцу ствол автомата. Каждому было понятно, что людей, если хотят расстрелять, не заставляют надевать наручники. А если наручники надевают, значит, расстреливать не собираются. Впрочем, и в этом правиле могут быть исключения, и седовласый, выбравшись из машины, тотчас одно из них озвучил:

– Ложитесь на заднее сиденье. Лицом вниз, голову не поднимать. Кто голову поднимет – с плеч снесу. Первыми омонцовцы, как самые крепкие. Козла душного в самый низ. Лейтенант, подтолкни их, а то они в бронежилетах туго соображают.

⁵ АКСУ (АКС-74У) – автомат Калашникова складной, укороченный.

Лейтенант рад был стараться и чуть ли не силой заталкивал на заднее сиденье слегка упирающихся омоновцев. Водитель, поскольку был сцеплен с лейтенантом наручниками, просто вынужден был тому помогать. Да он и сам, кажется, был не против того, чтобы оказаться повыше, потому что понимал, что и его с лейтенантом направят туда же. Так и оказалось.

– Теперь сами сверху... Быстро... Подогните этому ноги в коленях. Дверцу закройте. Сами с другой стороны забирайтесь... «Валетом» вам будет удобнее...

Менты забрались «вторым этажом», самостоятельно ноги подогнули, и вторая дверца тоже захлопнулась. А седовласый вытащил из машины ключи, открыл багажник, вытащил запасное колесо и водрузил его поверх пленных милиционеров.

– Будете шевелиться, колесо упадет – стреляю сразу, – усаживаясь на водительское место и показывая из подмышки короткий и злой ствол автомата, сказал седовласый.

Ствол, конечно, видно никому не было. Но у воображения возможности богатые, особенно у воображения, обостренного страхом. Только водитель возразил:

– Тут дорога такая. Обязательно упадет.

– А вы держите, не ленитесь. Учитесь задницей жонглировать. – Седовласый показал свою абсолютную безжалостность. Оно и понятно. Жалостливые люди не носят пистолеты под мышкой и не имеют на всякий случай пару гранат в запасе.

* * *

При выезде из райцентра на федеральное шоссе стояла машина ГИБДД, и инспекторы проверяли документы у двух водителей остановленных лесовозов. Вообще-то лесовозы обычно раньше дороги «ломают» – в светлое время суток, а эти припозднились, и потому к ним стоило присмотреться особо. Свет в салоне милицейской «жучки» был погашен, и никому, естественно, со стороны не было видно, что происходит на заднем сиденье, как тем же скованным наручниками ментам не было видно, где они проезжают и кто может их увидеть, потому что голову поднять, выполняя приказ седовласого, они не рисковали. Седовласый же обнаглел до того, что даже поприветствовал коллег переключением дальнего и ближнего света и спокойно проехал мимо них, направляясь в сторону соседней области. Но на первом же повороте машина снова повернула направо, оказавшись на совсем уж разбитой лесовозами дороге, но скорости не снизила, и водителю-менту вместе с лейтенантом пришлось проявить чудеса циркового акробатизма, чтобы не дать колесу упасть. Но так ехали, к счастью, недолго. Машина с дороги съехала на совсем уже разъезженный проселок, идущий через лес, и на проселке обращать внимание на колесо уже перестал и седовласый. До участка лесной вырубki было всего-то полсотни метров. Там «жучка» после резкого нажатия на тормоза качнулась, остановилась, и седовласый покинул машину.

Он открыл заднюю дверцу и со злой силой ткнул стволом автомата в чью-то задницу.

– Выбирайтесь. И побыстрее.

А сам поспешил снова к багажнику, из которого недавно вытаскивал запаску. Когда вытаскивал, видел там моток крепкого буксировочного троса. С тросом в одной руке и с автоматом в другой он подступил к ментам.

– Руки вперед.

Перехватив наручники тросом так, чтобы все четверо оказались в одной связке, седовласый перекинул второй конец троса через высокий сучок дерева, а потом закрепил его за недавно поваленное, но еще не освобожденное от сучьев дерево. Осталось сделать пустяк. Он обыскал всех четверых и у всех забрал трубки «мобильников». Конечно, трудно ожидать, что они сумеют держать трубки зубами, а носом номер набирать, но так, без трубок, и они будут чувствовать себя спокойнее, и он. Трубки могут пригодиться и ему самому, но, чтобы не надо-едали ненужными звонками, седовласый все четыре трубки сразу отключил.

Разговор с ментами не походил на пламенную речь.

– Я понимаю, мальчонки, что ночь простоять с поднятыми руками тяжело. – Седовласый соблюдал спокойствие и деловитость. – Но у вас будет чем заняться. Я предлагаю вам высказать свои претензии этому молодому человеку. – Седовласый пинком указал, про кого именно он говорит. Омоновец выдержал оскорбительный удар молча. – Если бы он не стал меня обижать, я, может быть, поступил бы с вами мягче. Урок ему и вам. Урок вежливости... Утром на делянку рабочие приедут – лес валить... Они, если захотят, вас освободят. А если в силу величины своих чувств к ментам не захотят, я буду бессилён вам помочь, потому что буду уже далеко. Всего вам, мальчонки, хорошего.

Седовласый не стал ждать ответных слов, понимая, что нового и интересного услышать может мало, а матерный язык он и без того неплохо знал, и вернулся в машину. Запасное колесо он возвращать в багажник не стал, снова забросив его на заднее сиденье, потому что пользоваться этой машиной длительное время не намеревался. Потом с пола у переднего сиденья поднял два пистолета. Свою «беретту-92», не прижившуюся в чужих руках, и ментовский «макаров». «Беретта» привычно легла в подмышечную кобуру, которую с него снять пока еще не успели, «макарову» нашлось место за брючным ремнем на спине. При неудобном, как у всех «Жигулей», сиденье «макаров» за ремнем будет мешать, но убрать его всегда будет можно. Там же, рядом с сиденьем, двумя углами подогнутый под него стоял и старенький потертый портфель седовласого, захваченный ментами. Между прочим, натуральная крокодиловая кожа, которая никогда не трескается, только глупую искусственную окраску теряет, возвращая свою натуральную. Там, в среднем отделении, и гранаты лежали, и еще всякая необходимая в работе мелочь. В другом отделении завалилась бутылка пива, которую менты не догадались выпить, а в третьем – пластиковая бутылочка с автомобильным маслом. Якобы с автомобильным маслом. В действительности автомобильное масло там было смешано с бензином, и уже подготовлено для использования в «коктейле Молотова»⁶.

Седовласый, проверив содержимое, оставил портфель на месте. Два же автомата, реквизированные у омоновцев, он завернул в чехол с заднего сиденья и там же на сиденье оставил, придавив их для верности «запаской». В случае необходимости он мог достать автомат рукой, только потянувшись и с силой дернув. Но пока он такой необходимости не видел, потому что на свою «беретту» полагался больше. Она появляется только тогда, когда это необходимо, и никого не отпугнет раньше времени. А седовласому человеку очень не хотелось кое-кого раньше времени отпугнуть, поскольку он собирался на работу, когда менты приехали в гостиницу и отвлекли его от запланированных дел.

Впрочем, времени было потеряно не много. Время седовласый обычно рассчитывал тщательно, и с запасом, но в этом случае запас просчитать было невозможно. Тем не менее то, что он обычно оставлял «на всякий случай», сработало, и «всякий случай» в действительности случился.

Даже более того, времени вообще не было потеряно, потому что не наступил еще тот час, когда седовласый должен был начать работать. Менты же его только подтолкнули. И даже существенно упростили выполнение задачи, поскольку задача включала в себя в дополнение ко всему еще и угон старенькой «Оки», что каждый вечер оставлялась на улице рядом с гостиницей. Хозяин «Оки» жил через пятьдесят метров, но около дома ему поставить машину было негде, и он всегда оставлял ее на гостиничной стоянке. И все в райцентре знали, чья это машина. Ночью можно спокойно ехать, и люди будут думать, что едет хозяин «Оки» – прокурор межрайонной прокуратуры, не последний человек в здешних местах.

Конечно, радовала перспектива воспользоваться машиной прокурора. Пустяк, баловство, но баловство приятное. Однако, если вместо «Оки» в руки попала ментовская машина,

⁶ «Коктейль Молотова» – бутылка с зажигательной смесью из масла и бензина.

это существенной роли не играет. Будет меньше улыбок, и все. Но седовласый человек никогда не желал видеть в себе актера и потому на аплодисменты был не падким.

* * *

Он выехал на дорогу, но опять свернул не на федеральное шоссе, с которого приехал, а направо, то есть в обратную сторону. Но, проехав несколько километров, остановился около еще одного съезда на делянку, откуда днем вывозили лес и разворачивали лесовозами всю только что проложенную дорогу, и посмотрел на часы. Время в запасе было. И седовласый свернул в лес, чтобы переждать там. Сразу развернувшись, седовласый вышел из машины и сел на свежий пенек, чтобы осмыслить ситуацию. Роились над головой, жужжали безостановочно комары. Вспомнились привязанные, неспособные от комаров защититься менты. Но жалости к ним не возникло. Завтра физиономии у всех будут как после трех недель непробудного пьянства. Но это не страшно. Это быстро пройдет. А от комариных укусов никто еще не умирал. Если вот на день оставить – это серьезнее. Днем зверье пострашнее летает. Недавно здесь же, в районе, пьяный мужик, председатель давно не существующего колхоза, поругался с женой и ушел в лес, где заблудился в буреломе, который повсеместно здесь теперь устраивают порубщики лесов. И не смог выбраться, а потом его до смерти закусали оводы. Об этом седовласому рассказывали мужики на одной из делянок, куда он недавно заглянул под видом грибника и поговорил о жизни в районе вообще и в частности. Судьбы, подобной судьбе бывшего председателя бывшего колхоза, седовласый даже ментам не желал. Надо будет утром, если дорога выпадет, заглянуть в «ментовскую темницу» и посмотреть, приехали или не приехали лесорубы. Впрочем, ехать вовсе не обязательно – можно будет просто позвонить в райотдел и сообщить, где он ментов оставил...

2

Теперь стоило обдумать и ситуацию, в которую он попал.

Сложностей, кажется, не предвиделось, но отдельные моменты осмыслить надо.

Вообще-то с ситуацией все ясно, хотя обидно было проколоться на таком пустяке и нажать себе пусть и временные, но неприятности. И так бездарно, так по-дилетантски проколоться. Горничная оружие увидела и ментов вызвала – для профессионала глупее ничего придумать невозможно. Где-то в столичном или просто в большом городе так не расслабляешься, а здесь, в глухомани, седовласый почувствовал себя в полнейшей безопасности и потому даже мысли не держал, что горничная может войти, пока он в душе моется. Вот уж поистине провинциальная простота нравов... Хорошо, что здесь и все другое одного и того же порядка. Менты, конечно, тоже провинциальные. Они не привыкли дело с серьезными людьми иметь, и не надеть наручники человеку, у которого нашли пистолет и две гранаты, – это тоже провинциальный нонсенс, глупее которого ничего придумать невозможно. Просто парни попались здоровенные, крепкие и потому в себе уверенные. Здесь, в глухомани, разбираться доводилось только с пьяными дебоширами. И это казалось крутым занятием. Не били их до этого с полной ответственностью, потому и такая небрежная самоуверенность. И сейчас они прошли дополнительный и даже бесплатный курс профессиональной переподготовки. Впредь умнее и осторожнее будут, тем более с залетными, неизвестными им людьми, от которых не знаешь чего ждать, потому что внешность часто бывает обманчивой, и внешностью можно легко манипулировать.

Но дело даже не в качественном битье омовцев, дело в том, что теперь по крайней мере один из трех паспортов следует уничтожить и не вспоминать о фамилии, под которой он был зарегистрирован в гостинице. Остальные паспорта менты смотрели только на странице с

фотографией, и то мельком. Наверняка не запомнили. Взгляды у них были непрофессиональные, не цепкие. Таким взглядом не запоминают, такой взгляд только о любопытстве говорит – проверить, та же самая фотография вклеена, что в других, или другая... И даже не посмотрели, где паспорта зарегистрированы, это совсем уже не простительно, хотя место регистрации, естественно, фиктивное, есть в журнале регистрации гостиницы. Но эта мнимая регистрация никому и никоим образом не поможет разыскать никогда не проживавшего там человека. Следовательно, пока с запасными паспортами можно работать, но все же следует при первой же возможности новый паспорт найти. На всякий случай – совсем на другую фамилию. В столице это несложно, можно сделать в течение трех-четырёх часов. Здесь, в провинции, такой возможности нет. Может быть, она и есть у кого-то, но не у него. А «светиться» здесь еще и в связи с паспортом, искать, кто новые документы делает, нет никакого смысла... Безопаснее воспользоваться непрофессионализмом ментов...

Ладно. Можно дальше идти. Что осталось в гостинице? Хорошенько вспомнить...

Кроме отпечатков пальцев, только кусок мыла, зубная щетка с пастой, мокрое полотенце, и все... Нет, еще грязные носки под кроватью... Пусть следы нюхают. Относительную опасность в данном случае могут представлять только отпечатки пальцев. Но едва ли отпечатки отсюда могут дойти туда, где их сумеют в самом деле опознать. Даже если они уйдут во все-российскую картотеку, то там не идентифицируют и следа не найдут. В большой розыск их не пустят, потому что само происшествие не посчитают достойным большого розыска... Даже после того, как совместят второе происшествие с первым, а совместят они обязательно. Это даже школьник сумеет сделать. Но дело на большой уровень не выйдет. Сошка слишком мелка, чтобы дело выходило на большой уровень... Следовательно, гостиница опасности не представляет, хотя иметь в дальнейшем свои отпечатки во все-российской картотеке все же не хотелось бы... Хватит того, что они, кажется, есть в картотеках Интерпола, ФБР, Скотленд-Ярда и в ряде других... Но происшествия в сельской глубинке связать с Интерполом и прочими службами едва ли кто сообразит. Просто возиться не будут, потому что для выполнения простой процедуры следует подписать у начальства огромную кучу бумаг, завизировать все это еще и у вышестоящего начальства, и все только ради того, чтобы простой запрос отправить, не будучи уверенным в необходимости такого запроса. Хотя, может быть, теперь это стало проще, поскольку времена меняются? Компьютеры и компьютерные сети время экономят и розыск ускоряют. Но тоже едва ли... Бюрократия всегда была и остается мощным препятствием для быстрого розыска, и этим стоит пользоваться.

Седовласый мужчина вытащил паспорт, который подлежал уничтожению, перелистал странички при свете луны и переложил паспорт в другой карман. Как человек не курящий, зажигалки он не имел, и жечь паспорт возможности сейчас не было. Снова на часы посмотрел – можно было потихонечку ехать. Дорога здесь такая, что быстро не разгонишься... Крутые горки и резкие повороты, и все это на размолоченном асфальте. На скорости моментально из ямины в кювет выбросит. Да еще в темноте, да еще при слабом свете фар – фары у «жучки» никогда не отличались острым «зрением». Поэтому ехать можно и нужно неторопливо...

* * *

Седовласый мужчина в работе всегда отличался вдумчивостью и предусмотрительностью. И эпизод с провалом в гостинице был редкой случайностью, а вовсе не системой. Со случайностью всякий может столкнуться в самый неожиданный момент. Следует только уметь с этим моментом справиться, и не просто справиться, а справиться правильно, то есть так, чтобы не нарушилась последовательность запланированных действий. В этот раз все прошло правильно благодаря предусмотрительности седовласого. Он успел подготовить все заранее,

за ту неделю, что уже находился здесь, в районе, иначе сейчас возникли бы непредвиденные сложности. А сложностей в его работе лучше избегать.

Седовласый был профессионалом, имел прекрасную подготовку и потому, даже свернув ночью с основной дороги на едва заметный проселок, ориентировался легко – он уже был здесь однажды, пусть и днем, пусть и без машины, и сможет проехать по маршруту во второй раз, точно добравшись до нужного места – в этом сомнений не возникало, и он, даже не приглядываясь, знал, когда и куда ему повернуть. Более того, он даже несколько раз срезал углы, проезжая через поляны, а не по дороге, потому что чувствовал, что там можно проехать.

Так добрался до прикрытого густыми кустами берега небольшой и извилистой речки шириной в четыре метра. Там остановился, машину покинул и осмотрелся...

И безошибочно отошел на пять метров в сторону, а там в кусты шагнул, раздвинув руками ветви, и, наклонившись, вытащил из кустов камуфлированного цвета рюкзак, а из рюкзака не военный, но камуфлированный костюм, которые часто, особенно в сельской местности, носят рабочие и вообще все, кому не особенно хочется часто переодеваться в чистое, потому что камуфлированный костюм скрывает и грязь, и от дождя с ветром защищает, и вообще просто удобен тем, что не шокирует помятым видом.

Чтобы переодеться, седовласому времени много не понадобилось. Больше времени ушло на то, чтобы переложить содержимое карманов гражданского костюма в карманы камуфлированной куртки, а потом старую одежду тщательно проверить, не завалилось ли что-то где-то, вплоть до того, что в кармане могла бы оказаться маленькая незамеченная дырочка, через которую какая-то мелочь завалилась за подкладку. Но седовласый человек всегда был аккуратным и заметил бы такое. Тем не менее проверку провел с привычной для себя тщательностью. После недавнего психологического расслабления, когда он так подставился в гостинице, он хотел быть тщательным вдвойне и потому сохранял бдительность. В карманах и за подкладкой ничего не нашлось, но он вложил в один из карманов паспорт, который был теперь ему не нужен и мог служить лишь доказательством против него. Вода – не менее действенное средство, чем огонь. Через год или два от паспорта ничего уже не останется. И одежда с камнем не всплывет. Может быть, не всплывет никогда, просто разложится через несколько лет, потому что разложению в воде не подвержена только синтетика, а мужчина мог себе позволить носить одежду из стопроцентных натуральных тканей.

Костюм, который седовласый снял с себя, был новый, купленный две недели назад при подготовке к поездке сюда. И очень хорошо сидел на своем обладателе. Это вообще была редкость, когда на него подходил покупной костюм, потому что брюки он носил на два размера меньше, чем пиджак, хотя сам и выглядел сухощавым. Конечно, жалко было с таким костюмом расставаться, но жалость и жадность несовместимы с профессионализмом.

Подходящий камень нашелся рядом... С разбудившим речку всплеском груз отправился на дно, почти строго посередине речки. Там, наверное, должна быть наибольшая глубина, хотя глубину здесь никто и никогда, скорее всего, не мерил...

После этого осталось спуститься ближе к воде, встать на колени, придерживаясь одной рукой за ствол гибкого тальника, и окунуть в реку голову. Вторая рука тщательно прополоскала волосы. Эта процедура, пожалуй, была самой длительной из всего, что делал человек на берегу. Но, когда он выпрямился, он уже не выглядел седовласым даже под седым светом луны. И не только потому, что волосы были мокрыми. Просто вода вымыла из волос алюминиевую пудру, и седина исчезла, оставив только естественную, неизбежную для возраста седину на висках. Там, в гостинице, принимая сегодня душ, не седовласый в действительности человек наводил после душа на голову седину и потому, видимо, надолго задержался в ванной, что и привело к таким плачевным для ментов последствиям. Ему самому происшествие тоже удовольствия не доставило, но его работа была всегда полна подобных моментов, и потому он отнесся к случившемуся легче, чем, наверное, отнеслись к нему пострадавшие от его рук.

Можно ехать дальше... И пора уже... Дальше асфальтовое полотно было еще больше разбито, особенно в районе трех стоящих по дороге деревень. Да и в самих деревнях тоже ехать стоило внимательно. И дальше не на лучшую дорогу пришлось свернуть, чтобы добраться до нужного места. Там, неподалеку от места, уже была заранее присмотрена и полянка, на которой нетрудно было машину пристроить. И обязательно рядом с дорогой, чтобы утром ментовские распознавательные цвета сразу заметно стало – белый и синий. Пусть найдут те, кому следует. Другим, посторонним, лучше первыми не находить, потому что неизвестно, в чьи руки могут попасть два автомата на заднем сиденье и пистолет под передним... Конечно, первыми начнут дорогу «разламывать» лесовозы. Они ментовскую машину заметят, передадут по телефону другим. Обычно первой едет машина с нормальными документами на вывоз леса. Потом уже основные машины – или вообще без документов, или с документами «липовыми». Сигнал будет получен, рабочий день у лесорубов будет сорван. И то хорошо, хоть какая-то польза от машины пострадавших ментов и от них самих. И так на несколько часов. Потом другие менты приедут – совсем по другому делу, и увидят машину... Тогда уже рассветет полностью, и увидеть ее будет нетрудно... Эти-то и должны в салон заглянуть. И увидеть содержимое... Разберутся что к чему... Естественно, сразу совместят вечернее происшествие с утренним. Это нормально, это даст как раз тот эффект, который необходим, но не более...

* * *

«Седовласый» человек поставил машину туда, куда и собирался ее поставить. Правда, при спуске с высокой насыпной дороги зацепил чем-то за край, и машина стала сильно скрипеть где-то в районе заднего сиденья, по центру. Может быть, крестовина треснула... И загремела выхлопная труба, хотя выхлопной трубой стукнуться о край дорожного полотна было сложно, труба не настолько длинная. Значит, удар просто передался от середины, и вылетел, наверное, крепежный болт на прижимном кронштейне. Да, ладно, менты отремонтируют. Не самому же, в самом деле, этим заниматься.

Если отпечатки пальцев остались в гостинице, то вытирать их в машине смысла уже не было. Главное было не оставить ничего своего и прихватить чужое, что может понадобиться. Но спутать свое с чужим ненужным трудно, потому что все свое содержится в портфеле и в рюкзаке. Портфель, чтобы не мешался, тоже лучше убрать в рюкзак. Поискав в машине, «седовласый» ничего интересного и полезного для себя не нашел, кроме карты области, но карта ему была не нужна, и он оставил ее на месте, в «бардачке» машины.

После этого можно было уже смело идти в гости.

* * *

Местность эта была знаменита своими историческими архитектурными памятниками и небывалой красотой оригинальной природы, отличающей ее от всех окрестностей, и потому привлекала внимание туристов и отдыхающих. Природа считалась здесь чем-то вроде памятника, на который следует обязательно посмотреть, если попадаешь в эти края.

Три деревни здесь стояли совсем рядом, разделенные только сотней метров дороги и полем с одной стороны и мостиком через небольшую речушку с другой. Одна из них, по сути дела, представляла собой даже не деревню, которой была когда-то, а оздоровительный пансионат. Но в ту сторону следовало идти чуть позже. Туда следовало идти работать... А до этого следовало провести некоторые организационные действия – подготовительные, обеспечивающие будущую безопасность...

И человек пошел... Он уже приходил сюда таким же вот, не седовласым, в том же камуфлированном костюме, и нашел себе закадычного душевного друга, местного одинокого кон-

ченого пьяницу, дверь дома которого никогда не закрывалась для любого, кто заявится с бутылкой, даже для незнакомого. Впрочем, дверь эта вообще летом никогда не закрывалась, потому что зайти в этот дом желал не всякий, а уж взять-то там вообще было нечего.

До дома было недалеко, и «седовласый» хорошо ориентировался в двух деревенских улицах. Да и трудно было здесь не ориентироваться, если во всей деревне только пять домов были жилыми, и в окнах горел свет. Впрочем, собаки лаяли... Они лаяли откуда-то со стороны, чувствуя чужака. Может быть, даже из ближней соседней деревни. Сначала одна залаяла, потом остальные подхватили. Впечатление было такое, что собак здесь живет больше, чем людей, и они привычно между собой общаются, в подробностях делятся новостями и их обсуждают.

Дверь дома и в этот раз была в своем привычном для лета распахнутом состоянии, и, хотя света за дверью не было, «седовласый» смело ступил за порог и стукнул в косяк кулаком трижды, предупреждая о своем приходе.

– Кто? – хрипло раздалось из темноты.

– Вадим Александрович, – ответил «седовласый».

Его в самом деле звали Вадимом – именно этим именем его наградили когда-то родители, и по всем своим трем паспортам он тоже носил это имя, только с разными отчествами и фамилиями. Впрочем, теперь уже по двум паспортам, поскольку третий паспорт благополучно размокал на дне реки, а настоящий его паспорт, тот, первый, в шестнадцать лет полученный, давно, наверное, уничтожен, как старый образец, которые даже в архивах не держат...

Приверженность к одному имени не была неосторожностью. Когда с несколькими паспортами работаешь, так безопаснее. Мало ли, идешь с человеком, который тебя знает под одним именем, а вдруг другой, неизвестно откуда взявшийся, окликнет по-иному, и ты не имеешь возможности не отозваться, и нельзя при этом сказать, что человек ошибся... Невнятные объяснения в этом случае могут вызвать только подозрения. Лучше уж сразу подстраховаться, тем более что имя невозможно идентифицировать, как отпечатки пальцев.

– Заходи... Выключатель помнишь где?

Вадим Александрович нащупал рукой выключатель, громко шелкнул им, и тусклая лампочка под потолком загорелась, освещая комнату, похожую на старую вонючую помойку.

– Вовка спит, Вовка встать не может, – сказал Вадим Александрович.

Хозяин сам себя так назвал, представляясь во время знакомства. Не Владимир, не Володя, не Вова и уж совсем не по-современному – Вован, а именно Вовка, хотя был внешне стар и дряхл, впрочем, точно определить возраст было трудно.

– Могу, – прохрипел и прокряхтел одновременно Вовка, но все же после некоторого усилия сел на кровати. – Откуда ты? Вроде как ничего не говорил... Пропал грибник, и все...

От Вовки несло застарелым перегаром. Что такое похмелье, Вовка не знал, даже, говорил, наоборот, если не с похмелья просыпался, то плохо себя чувствовал, и Вадим Александрович верил ему, потому что знал, как организм, привыкший к одному режиму существования, трудно перестраивается на другой. И все хронические алкоголики, когда резко бросают пить, начинают чувствовать себя разбитыми и изломанными.

– Я тебе сказал. Только ты уже кверху лапами лежал...

Вовке хватало стакан понюхать, чтобы свалиться. Это Вадим Александрович уже трижды проверил, потому и остановил на нем свой выбор.

– Так что, закуси нет, – предупредил хозяин.

– Да, ладно... Самогонки купишь? – Гость полез в карман за бумажником.

– Ночь уже...

– Не ночь... Десять часов, начало одиннадцатого.

– До двенадцати – нормально. Только уж сразу – пару пузырьков, чтоб потом не бегать.

Можно, кстати, и водки...

– Не-а, – не согласился Вадим Александрович. – Водка у вас здесь «паленая»...

– Как везде... Что на нас валить...

– Вот-вот, как везде... Народ радостно травят, и народ радостно травится. Самогонка безопаснее, даже если из собачьего дерьма сделана. Самогонку бери...

Вадим Александрович протянул сотенную бумажку. Вовка подпрыгнул, принял деньги в каком-то акробатическом движении, потом сильно качнулся, с трудом равновесие удержал, ноги в валенки сунул и не пошел, а полетел.

* * *

Сама процедура подготовки к работе заняла не много времени: столько, сколько нужно, чтобы выпить дважды по полстакана страдающему жаждой человеку. Вовка только вначале стакан поднял, показывая не желание чокнуться, а просто рисуя в воздухе стаканом знак приветствия. И сразу выпил, чтобы времени не терять и человека без толку не задерживать. И тут же еще себе налил. И снова выпил – как вылил вдогонку.

И все... Стеклообразные глаза его больше ничего не видели... Не видели даже, что Вадим Александрович и пить не стал... Вовка просто сидел за столом, облокотившись, чтобы не упасть, а еще через пять минут слегка утомился и устало уткнулся лицом в столешницу, прикрывшую грязной изрезанной ножом клеенкой. Вадиму Александровичу осталось только подхватить его под мышки и перенести на кровать. Но теперь можно было работать, обеспечив себе при этом алиби...

Посмотрев на часы, Вадим Александрович решил еще десяток минут переждать, вышел на крыльцо и там сел, чтобы его видно было из окна соседнего заселенного стариками дома. Там, как он уже знал, старуха обитала катастрофически любопытная и навязчивая. В прошлый раз пришла уже утром, в половине восьмого, проверить, кто тут в гостях у Вовки, хотя ни вечером, ни утром Вадим Александрович на крыльцо не показывался. Значит, с вечера среагировала на свет в окне, горевший до середины ночи, потому что обычно Вовка без света обходится. Среагирует и в этот раз. По крайней мере, надеяться на это хотелось... Значит, есть еще один свидетель алиби... Если не среагирует, можно и без того обойтись, потому что неподозреваемого подозревать и не должны... Нет причин, чтобы к нему присматриваться внимательно и искать виновного именно с этой стороны. Слишком не похож он будет на виновного.

В одиннадцать часов Вадим Александрович, демонстративно пошатываясь в освещенном дверном проеме, встал, потоптался, чтобы дать невидимому наблюдателю возможность себя рассмотреть, и вернулся в дом. Он не просто посмотрел на Вовку, он ему еще и пульс прощупал. Пульс спящего человека отличается от пульса человека бодрствующего. А если человек только прикидывается спящим и в дополнение пытается подсматривать за кем-то, то у него пульс тем более будет учащенным. Нет, Вовка определенно спал и проспать планировал долго.

Можно было идти...

Вадим Александрович свет выключить не забыл, потом открыл окно в противоположной двери стене, выбросил за окно свой рюкзак и легко выпрыгнул в неухоженный огород. Он не сразу вышел из двора на тропу, которая когда-то была настоящей деревенской улицей. Он сначала еще один забор преодолел, чтобы оказаться в соседнем огороде. Вот там все ухожено и вычищено было, и дом поверху, по всему мансардному этажу, был сайдингом закрыт, в нижней части бревна сруба вычищены каким-то инструментом и покрыты акватексом от порчи и потери цвета. Ставни были наглухо закрыты. Вадим Александрович уже знал от Вовки, что дом этот купили какие-то москвичи под дачу и приезжают сюда летом только на месяц, на время отпуска. В этом году вообще рано приехали, целый месяц копались, приводили дом в порядок, и уже отбыли – работа надолго не отпускала, но приехать намеревались, потому что заплатили кому-то из соседней деревни, чтобы за огородом ухаживали. Сначала Вовке предлагали, Вовка отказался – не мужское дело. Тогда без него нашли...

Пройдя через этот двор, уже уверенный, что не попадет на освещенное место и даже в тени не будет виден из окон дома, где старики жили, Вадим Александрович выбрался на тропу и с тропы вышел на настоящую дорогу, которой тоже пренебрег, хотя знал, что по ней в это время суток ходить некому, и двинулся напрямую через поле. Так он дошел до соседней деревни, той самой, которая была пансионатом. Большой деревянный дом директора стоял рядом с административным корпусом. Забор вокруг дома стоял сплошной, чем выделялся среди обычных здесь штакетников. Так что спутать двор с другим возможности не было. Но, чтобы попасть к этому забору, пришлось сделать большой крюк и обойти открытые места, где его могли увидеть. Сразу через забор перебираться Вадим Александрович не стал. Сначала присел в кустах, прислушался, потом неторопливо раскрыл рюкзак, вытащил оттуда портфель, из портфеля – бутылку пива. Откупорил ее и вылил пиво под куст, слегка поморщившись от запаха. Вместо пива заполнил бутылку смесью масла и бензина; в маленькой металлической коробочке, вытащенной из кармана рюкзака, нашлась и ватная пробка с вставленной в нее спичкой. И коробочка спичек там же. Все это приготовление заняло несколько минут, после чего Вадим Александрович отставил «коктейль Молотова» под куст и вытащил из портфеля две гранаты «Ф-1», моток проволоки и плоскогубцы. Все это уложил в карман куртки, и попробовал, какая из досок забора легче отрывается. Такая нашлась и поддавалась усилиям крепких рук. Пришлось оторвать и соседнюю, чтобы проникнуть во двор.

Недалеко от крыльца росли две яблони. Одну из них Вадим Александрович и использовал для установки «растяжки». Не срывая кольцо, прикрепил конец провода к гранате, потом протянул провод через ветку, как через блок, и дальше на крыльцо так, чтобы резко распахнувшаяся дверь на провод надавила. Потом пришла очередь второй гранаты, устанавливаемой уже для страховки, вместо «контрольного выстрела». Эту он устанавливал за крыльцом, в трех шагах, прямо на дорожке, выворотив один из камней. Сорвав кольцо с гранаты, вдавил ее чекой в землю так, чтобы при прикосновении чека освобождалась. И, только закончив с этой операцией, в просторечье называемой «посадкой картошки», Вадим Александрович вернулся к «растяжке», сорвал кольцо с гранаты, обмотал чеку проволокой. Проверил натяжение и сделал еще два неплотных оборота. Теперь в самый раз. Чуть потянуть проволоку, и она освободит чеку...

Все готово... Вадим Александрович осмотрелся, неторопливо прошел к пролому в заборе и покинул пределы двора. Поднял с земли бутылку с «коктейлем Молотова», приятно чувствуя рукой огнеопасную тяжесть...

Посмотрел на часы...

– Можно... – тихо сказал сам себе...

Он всегда в такие моменты чувствовал какой-то эмоциональный подъем. Почувствовал его и сейчас... Рука расслабилась, готовясь к броску...

ГЛАВА 2

1

Пропавших ментов, пожалуй, никто не хватился бы до утра, если бы дежурная по гостинице не была такой любопытной и, мягко говоря, не преследовала одновременно свои цели. Очень уж ей хотелось узнать, что за опасного бандита поймали с ее небольшой помощью. А что такой вооруженный бандит не может не быть не опасным, она догадывалась. Поэтому опять позвонила своему знакомому лейтенанту. Хотя, может быть, это был только удобный повод, чтобы позвонить и не выслушивать потом неприятные слова, которые больно царапают где-то в груди... В последнее время лейтенант избегал встреч, и повод всегда был необходим, чтобы не показаться назойливой. И сейчас причина была вполне состоятельной. Но «мобильник» лейтенанта оказался выключенным или находился вне зоны действия сети, как сообщил вежливый, но равнодушный компьютерный голос, у которого невозможно узнать подробности. Но дежурная по гостинице знала и номер телефона служебного кабинета лейтенанта. Она позвонила туда, долго слушала длинные гудки, но опять никто не пожелал снять трубку. Сначала это не обеспокоило. Дежурная не знала, как это все делается, но предполагала, что идет допрос – тоже ведь телевизор, как и все, смотрит иногда... Может быть, даже чаще, чем иногда, потому что маленький черно-белый телевизор у нее и на работе перед носом стоит... А уж детективы показывают один за другим... И потому молодая женщина позвонила еще минут через сорок. Повторный звонок в случае, когда лейтенанту неизвестно, что она уже звонила, никак нельзя назвать назойливым. Однако результат был прежним. Это уже слегка насторожило, и еще больше насторожило, что не приехала до сих пор обещанная следственная бригада из прокуратуры, которая должна была осмотреть номер постояльца. Именно с вопроса о следственной бригаде она и начала разговор с дежурным по райотделу. Дескать, сколько эту самую бригаду им ждать? Но тот долго не мог понять, что дежурной по гостинице от него надо и какую следственную бригаду она разыскивает. Следственную бригаду, как он понял, прокуратуры – но тогда почему в райотделе милиции... Так ничего и не выяснив, дежурная напрямик спросила про своего дружка – как его найти, он в курсе и обещал следственную бригаду прислать... Дежурный по райотделу опять удивился. Он вообще не слышал ни о каком выезде, и у него никакой выезд машины с лейтенантом, да еще пары омоновцев с ними не зарегистрирован... Стали выяснять... Оказалось, лейтенант взял служебную машину с водителем и двух омоновцев с собой, а дежурного не предупредил потому, что дежурный был братом его жены, и брат, как и жена, мог знать об отношениях между лейтенантом и дежурной по гостинице. Это уже сам дежурный понял...

Но ситуация все равно оставалась непонятной. Теперь уже в гостиницу поехал наряд, чтобы разобраться на месте. Наряд разобрался. Наряд услышал о пистолете, гранатах и трех паспортах. Но где следовало искать пропавшую машину с сотрудниками и задержанным – это был вопрос, совершенно не подлежащий логическому мышлению. Автомобильных пробок на дорогах райцентра никогда не знали даже днем, не то что ночью. А езды от гостиницы до райотдела всего-то десять минут ползком... Рация в машине, судя по всему, была просто выключена, и никакой связи не было. Куда же они все делись?

В прокуратуре о задержании опасного вооруженного преступника тоже ничего не слышали, точно так же, как и в следственном комитете при прокуратуре. Но в гостиницу следственную бригаду они все же направили и номер осмотрели. Подозрительного ничего не обнаружили и сразу по возвращении отправили найденные свежие отпечатки пальцев по сети в областное управление внутренних дел, чтобы «прозвонить» по картотеке.

Какой-то след вроде бы дали парни с дежурной машины ГИБДД. Они видели «жучку» райотдела. Мимо них проехала и фарами «поздоровалась». Обычное дело... Но кто был за рулем и куда машина направлялась – неизвестно... Известно было только направление – от областного центра... Но от областного центра можно тоже в разные стороны ехать, если с федеральной трассы свернуть...

Прибыл по вызову начальник райотдела. Для порядка дал всем основательный нагоняй, потом стал вникать в суть вопроса и внимать объяснениям подчиненных.

И в это время позвонили из областного центра. И даже не из областного управления внутренних дел, а сразу из областного управления ФСБ. Сообщили, что вертолетом вылетела их следственная бригада, и поинтересовались, где и при каких обстоятельствах были сняты отпечатки пальцев, присланные для идентификации.

Начальник райотдела слыхом не слыхивал о том, чтобы отпечатки пальцев вызвали такой великий переполох, что, не зная даже сути дела, выслали вертолетом следственную бригаду. Оказалось, что дело обстоит еще хуже – одновременно, тоже вертолетом, вылетела следственная бригада и из Москвы...

Невнятные объяснения начальника райотдела о том, что два милиционера райотдела, молодой опер и водитель, и два омоновца пропали вместе с задержанным и машиной, вызвали еще больший переполох.

– Так что, этот человек не у вас? – прозвучал вопрос.

– Ищем!

– Искать... Землю рыть, но найти, – прозвучала приказная фраза, в которой отчетливо прослушивались истеричные нотки.

Как рытье земли может помочь делу, начальник райотдела не понимал, хотя был опытным огородником, но все же осторожно ответил то, что уже сказал раньше:

– Ищем...

* * *

В райотдел прибыл и прокурор района. Он даже официально назывался не прокурором района, а прокурором межрайонной прокуратуры, следовательно, рангом был выше, чем начальник райотдела, да и званием тоже выше – имел на одну звездочку больше, но не к себе последнего вызвал, а сам к нему пожаловал. Это тоже о чем-то говорило, но о чем, начальник райотдела не сразу понял. Понял только после того, как прокурор начал говорить:

– Да, дел-ла...

– А с чего переполох-то?

– Президент через четыре дня в область приезжает... А ты тут, Владимир Анатольевич, такое у себя допускаешь...

Новость о приезде президента в область предполагала повышенные меры безопасности, и это естественно. Но с чего вдруг такой переполох, все-таки было непонятно...

– А что случилось-то, Александр Алексеевич? – Подполковник руки развел в непонимании. – Ну, задержали опера какого-то вооруженного человека, куда-то выехали с ним... Может быть, проводят по горячим следам расследование... Еще ничего не ясно... Пистолет и две гранаты – это не оружие для покушения на президента. С таким оружием надо вплотную подойти...

Прокурор в ответ плечами передернул, при этом его солидный животик игриво качнулся в одну и в другую сторону.

– Если бы так дело обстояло, твои парни уже связались бы с дежурным... А сейчас ты за пропавших отвечать будешь...

Значит, прокурор дело хотел так повернуть. Это естественно, что не прокуратура отвечает за общественный порядок в районе, но обычно она бывает касательна ко всем делам, проходящим через отделение милиции...

Позвонил снизу дежурный:

– Товарищ подполковник... У нас в оздоровительном пансионате происшествие....

– Я что, ехать туда должен! – не спросил, а сердито ответил Владимир Анатольевич. – Пошли наряд... Мне не до того сейчас... И давай-ка, не доставай по пустякам... По основному делу нет новостей?

– Тишина пока...

– Что будет, звони...

Владимир Анатольевич положил трубку и снова повернулся к прокурору.

– А что, Александр Алексеевич. Президент и к нам в район тоже, никак, пожалует? Ничего не слышал?

– А кто ж знает? Я знаю только, что с меня в областную прокуратуру сводки каждый день запрашивают в два раза более подробные. И заставили расписать вдвое план профилактических мероприятий. А это уже, думаю, признак... Может пожаловать... Только нас, как всегда, в известность за сутки поставят, чтобы все вычистили и пьяных с улиц метлой вымели.

– Да, нас тоже сводки разжевывать заставляют. Говорят, новые инструкции, только до нас эти инструкции еще не дошли...

– Вертолет встречать поедом?

– Куда? Где они сядут?

– Мне сказали, на стадионе...

– Звали?

– Не звали, но сразу хоть... Знать, чего ждать...

– И все-таки не пойму, с чего переполох...

– Думаю, с отпечатков пальцев, – предположил Александр Алексеевич.

– Это я понимаю. Больше они и не знали ничего... – согласился Владимир Анатольевич.

– Значит, отпечатки какой-то личности знаковой принадлежат... Где-то парень наследил... В чем-то крупном, в масштабном.

– Не парень... Старикан какой-то... Седой...

– Прилетят, объяснят... Поехали встречать.

* * *

Начальник райотдела с прокурором спустились к дверям. Рядом с окошком дежурного стояли и сам дежурный, и помощник, и готовая к выезду тревожная группа в бронежилетах и с автоматами. Дежурный только что закончил инструктаж.

– В пансионат? – спросил подполковник.

– Так точно...

– А что так бледно выглядишь? – поинтересовался у дежурного прокурор.

– Так... Такое... Сейчас ваши приедут... Отправляем вместе...

– А что там? – Прокурор был все же более любопытным, чем начальник райотдела.

– Дом директора подожгли и его гостей гранатами забросали... Три трупа...

Начальник райотдела чуть не сел прямо на холодный бетонный пол...

– Так что ж ты... Не сказал...

– Вы и слушать не захотели. Сказали, что вам не до того...

Судя по выражению лица, начальника райотдела страшная и хроническая зубная боль уже предельно измучила.

– Гранаты?.. – переспросил прокурор.

– Гранаты, – подтвердил дежурный.
– И в нашем деле... В гостиничном... Тоже гранаты присутствовали?
– Тоже, товарищ полковник, присутствовали.
– Я туда еду, – решил начальник райотдела.
– Не торопись, Владимир Анатольевич... Машины готовы... И наша областная бригада, и московская – все туда ринутся. С ними вместе и поедем... Пока давай со всеми данными знакомиться... Конкретное что-то есть?

– Пока ничего, – сказал дежурный. – Местный житель позвонил... Я, конечно, перепроверил... Туда позвонил... А то шутников сейчас развелось... Ничего толком никто рассказать не может. Пожар тушат... Подтвердили, что три трупа... Директор и два его гостя...

У прокурора зазвонил «мобильник». Александр Алексеевич глянул на определитель и ответил сразу:

– Новости есть? Да, говори... Да... Я в курсе... Нет, не поеду сразу... Что еще? А... Так... Так... Да не тяни ты... Понял... Вот это уже интереснее... Ладно, будем знать и гордиться, что такого человека принимали... На гостинице мемориальную плиту установим...

Он убрал трубку и посмотрел на подполковника.

– Новости? – спросил Владимир Анатольевич.

– У нас в гостинице останавливался человек, который находится в розыске по линии Интерпола и ФБР и подозревается во многих политических и прочих заказных убийствах. Наследил и в Африке, и в Европе, и в Штатах, и в Латинской Америке... Есть его описание, есть его дактилоскопическая карта, но никто не знает, кто он такой... В России следов не оставлял. Проходит только по картотеке Интерпола...

– Гость готовился к визиту в нашу область самого... – не договорил Владимир Анатольевич.

– Это у него следует спросить, к чему он готовился... Ладно, на стадион пора... Первый вертолет вот-вот будет... Может, сразу с ним и полетим, если у него горючки хватит... Сколько у нас километров до пансионата?

– Тридцать по дороге, в половину меньше по прямой...

– Вертолетом быстрее будет... Поехали.

* * *

Руководитель следственной бригады областного управления ФСБ подполковник Кондратьев сразу приказал не выключать винты вертолета, но, чтобы выслушать прокурора межрайонной прокуратуры, ему пришлось вместе с прокурором, начальником райотдела милиции и двумя своими офицерами отойти подальше, потому что разговаривать под шумными винтами было, конечно, невозможно. Кондратьев выслушал сообщение внимательно, сосредоточенно глянул на своих сотрудников и приказал:

– Командира экипажа позовите.

Вертолетчик появился почти сразу.

– Перелететь в другое место можем?

– Куда?

– Говорят, по прямой – пятнадцать километров.

– Никаких проблем... Было бы, где сесть... А то здесь даже дороги все лесные, рискуешь винтом за дерево зацепить...

– Там есть место, – сказал Владимир Анатольевич. – Там стадион побольше нашего... Я в этом пансионате год назад свадьбу сыну играл...

– Тогда летим... – предложил Кондратьев. – В полете и обсудим варианты...

Вертолет был грузопассажирским, то есть сиденья были только откидные, следовательно, и не слишком удобные. Кроме того, грузопассажирские вертолеты отличаются еще и пониженным уровнем шумоизоляции, и разговаривать на борту было затруднительно. Но разговаривать было необходимо, причем говорить пришлось больше других ментовскому подполковнику, и к концу полета у него даже голос стал садиться. Тем не менее его объяснения не слишком хорошо поняли. То есть поняли-то все правильно, поняли то, что он сказал, только не могли никак уразуметь, почему начальник райотдела милиции располагает таким минимумом информации. Уже несколько часов прошло после того, как милиционеры райотдела выехали на задержание в гостиницу. И пропали... Как вообще так получилось, что никто не знал об их выезде? Они же уже сразу ехали, зная, что предстоит встреча с вооруженным человеком...

– Когда найдем их, разберемся. – Владимир Анатольевич своей вины откровенно не видел и потому не мог на ситуацию смотреть глазами в прямом смысле залетных офицеров ФСБ. Не хотел смотреть.

– Вы думаете, трупы могут что-то рассказать? – слегка недоуменно поинтересовался подполковник Кондратьев.

– А почему, собственно, вы считаете, что мы найдем трупы? – упрямылся Владимир Анатольевич, но легкое чувство беспокойства все же испытал. – Четверо опытных сотрудников, из которых трое вооружены, омоневцы в бронежилетах и при автоматах... Они в состоянии дать отпор любому спецу... Тем более престарелому...

– Спец спецу бывает рознь, Владимир Анатольевич... – встал на сторону приезжих прокурор. – Иному спецу... Эх, да что говорить...

– Это как раз тот спец, про которого вы говорите, – мрачно предрек грядущие неприятности подполковник Кондратьев. – Мы, слава господу, с ним не встречались, но вот – довелось, оказывается... Его спецслужбы всего мира ищут, но никто даже портрета его не имеет. Только фоторобот... А что такое фоторобот, вам объяснять, думаю, не стоит... В девяносто девяти случаях из ста это только для самоуспокоения делается. А этот... Его в Мексике засада ждала – шесть специалистов ФБР и два сотрудника Интерпола. Все – асы захвата. Удалось уйти одному парню из ФБР, и один из интерполовцев с чужой помощью из окна с третьего этажа выпал, потому и остался жив. Шесть трупов... А все были, повторяю, спецы... Не чета местным омоневцам...

Вертолет уже подлетал к месту последнего события и делал круг над пансионатом. Место пожара было хорошо видно, хотя сам огонь уже был потушен. Но вокруг стояло несколько машин, освещавших наполовину сгоревший дом фарами.

– А кто он по национальности? – поинтересовался Александр Алексеевич.

– Не знаю, я его не допрашивал... – сердито среагировал Кондратьев на глупый, с его точки зрения, вопрос. – Знаю только, что даже при помехах со стороны, понимая, что ему вот-вот хвост прищелят, он дело до конца всегда доделывает... Не останавливается ни перед чем...

– А кличка-то у него есть какая-то? – спросил Владимир Анатольевич, привыкший иметь дело с уголовниками, у которых клички как-то отражают их прошлое.

– Фантом...

– Фантомас, что ли?

– При чем здесь Фантомас... Мы не в кино играем... Фантом... По-русски – призрак. Вот... Кажется, садимся. Хорошо, если здесь ваш Призрак работал...

– Чем же это хорошо? – не понял прокурор.

– Тем, что два дела в большом месте он делать не будет... Значит, история ограничится малой кровью... И он не замахнется слишком высоко...

И начальник райотдела милиции, и прокурор межрайонной прокуратуры прекрасно поняли, о чем речь, но промолчали, чтобы не показывать свое знание. Они просто не сообра-

зили, что недоговоренность требует вопроса. А если вопрос не задан, следовательно, все недоговоренность понимают и знают то, что им знать не положено, по большому-то счету.

И подполковник Кондратьев коротко и подозрительно глянул на местных силовых чиновников. Ему не нравилось, что и здесь знают о предстоящем событии...

* * *

Вертолет сел в двухстах метрах в стороне на футбольном вроде бы поле, если судить по металлическим воротам без сетки, видимым при свете фар повернувшихся в сторону поля автомобилей, но это поле странным образом заросло травой выше колена. Если играть на таком поле, то только в волейбол, иначе никто не увидит мяч.

На правах почти хозяина первым выпрыгнул в траву начальник райотдела милиции. И остановился, чтобы помочь спуститься подполковнику Кондратьеву. Но тот, к вертолетам более привычный, только рукой махнул, требуя от Владимира Анатольевича отодвинуться и не мешать ему спрыгнуть. Начальник райотдела сообразил, наконец, что он мешает, и сдвинулся в сторону. Кондратьев спрыгнул, и только после этого опустили трап, чтобы другие спустились нормально и ноги себе не ломали. Прокурор же межрайонной прокуратуры со своим животом вообще, кажется, спрыгивать не собирался. Если бы трап не поставили, он бы так и остался в салоне...

От толпы людей, встречающих вертолет не по долгу службы, а скорее из любопытства, отделился человек и поспешил, сильно косолапя, к прилетевшим. Владимир Анатольевич именно по этой косолапой походке узнал его, хотя никогда не слышал ни фамилии этого человека, ни того, чем он здесь, в пансионате, занимается. Просто оба люди местные и много раз приходилось мимоходом встречаться. Не лично, не по какому-то делу, а всегда только случайно. Звали его, кажется, Петькой или Федькой, точно Владимир Анатольевич не помнил, как не знал и отчества, хотя человек этот был постарше его возрастом.

– Что здесь случилось? – Начальник райотдела спросил почти грозно.

– Это я милицию вызвал... – сообщил Петька или Федька самое, на его взгляд, важное и коротко стрельнул глазами на подполковника Кондратьева, камуфлированная форма которого не произвела на него особого впечатления.

– Что случилось, я спрашиваю...

– А разбирайтесь что... – сказал, подходя, второй мужик, долговязый, жилистый и много дней не бритый. – На то вы и менты... Мы свое дело сделали, пожар потушили... А там... Сами смотрите...

И он с удовольствием размазал сажу с носа по всей щеке. Этому, видимо, очень нравилось свою независимость от власти показать. Начальник райотдела встречал таких. Даже перед простыми ментами они спокойнее себя ведут, а перед залетным начальством суровый выпендрёж начинается. Обращать на них внимание – только нервы себе портить, потому что нелюбопытного выслушать можно много, и часто не по существу.

Третий мужик, в полувоенном камуфлированном костюме, ничего не говорил, просто смотрел открыто и дружелюбно, почесывал грязной рукой подбородок, но уже своим видом словно бы показывал, что готов и информацией поделиться, если кого-то информация интересует. С такими общаться всегда проще.

– Подождли, похоже, директора... – сообщил то ли Петька, то ли Федька. – И гранатами забросали, как выбегать стали. Мы все взрывы слышали... Два раза взорвалось...

– Две гранаты... – напоминая, что у человека в гостинице тоже было две гранаты, сказал прокурор межрайонной прокуратуры. – Этого и следовало ожидать... Для того он их и держал...

– Не следовало этого ожидать, – проворчал подполковник Кондратьев. – Не та фигура здешний директор, чтобы на него две гранаты тратить... Мы уже на него все досье подняли... Не может он никого интересовать... А насчет его гостей – посмотрим...

– А я всех этих, кавказцев, гранатами, как градом, засыпал бы... – зло сказал долговязый небритый мужик, не опасаясь, что его могут за такие слова и в число подозреваемых записать. – А на сам Кавказ атомную бомбу бы сбросил... Чтоб оттуда сюда больше приползти было некому...

– Подождли его. – То ли Петька, то ли Федька сказал уже без «похоже» и вполне уверенно. И, кажется, торопился сказать, чтобы перебить небритого и долговязого, который ситуацию обострял. – Ему давно уже обещали... И подождли...

– Обещали?.. – переспросил Кондратьев.

– Заслужил, значит, – заметил долговязый, не желая, впрочем, в подробности вникать, но говорил напористо и зло, упорно нагнетая обстановку. – Он тут себя ханом считал, а был только вонючкой, коровьей лепешкой... Дерьмом... Наступить брезговали, чтобы вонь не пошла... Так всегда... Сначала брезгуют, потом, когда надоест перешагивать, лопату возьмут и выбросят... На помойку... В навозную кучу... И его так... Давно пора... Вместе с гостями...

Прилетевшие вместе со встречающими подошли к месту пожара. Следственная бригада свое дело знала и сразу разогнала народ, вывесив ленту оцепления, за которую заступать запрещалось.

– Все следы затопчете...

– Давно все затоптали, – спокойно заметил мужик в камуфлированном костюме.

– Я сразу говорил – не топчитесь, – высказался то ли Петька, то ли Федька, словно бы себе в оправдание.

– Ага... А пожар с воздуха надо было тушить, – сказал долговязый и хотел было отойти, но Кондратьев остановил его жестом.

– Вы не уходите, мы поговорим еще... И вы тоже, оба... – обратился он к Петьке-Федьке и к мужчине в камуфлированном костюме. – Мало ли. Вопросы могут возникнуть... Вопросы обязательно возникнут.

Один из экспертов, рассматривавший дерево рядом с дорожкой, ведущей от крыльца, уже подошел с первыми выводами:

– Была установлена «растяжка» – остались куски обгоревшей проволоки. Прямо на яблоне, верхнее положение, чтобы расширить сектор поражения. Судя по разбросу осколков, использовалась граната «Ф-1»... Две гранаты... Вторая в самой дорожке устанавливалась... «Картошку посадили»... Взрыв, видимо, был почти одновременный... Так?

Эксперт спросил у Петьки-Федьки, который раньше про взрывы рассказывал.

– Сорок секунд... Может, тридцать... Может, сорок... Кто как говорит... Одна, потом другая...

– Значит, кто после первого взрыва уцелел, побежал и зацепил «картошку»... – сделал вывод эксперт и пальцем показал, где «картошку посадили». – Вон там...

– «Растяжка» и «картошка», – констатировал подполковник Кондратьев. – Вообще-то Призрак всегда работал более квалифицированными и технологичными методами... Несколько последних известных нам случаев – везде присутствовал пластик, причем только строго определенной марки С-4, производства США...

– Может быть, просто использовал подручный материал, – предположил прокурор. – Что под руку подвернулось...

– Гранаты сейчас под каждым кустом валяются, – глядя куда-то в сторону, сказал человек в камуфляжном костюме, вроде бы ни к кому не обращаясь, но вполне членораздельно прокурору отвечая на вопрос, который тот не задавал. – Как камушки... Куда ни кинь взгляд, везде по гранате, а то и по паре...

– Тоже может быть... Будем разбираться... – Подполковник отвернулся. – Скоро москвичи прилетят. У них вертолет быстроходный... Что можно не трогать, постарайтесь до их прибытия не трогать...

И пошел посмотреть на трупы, уложенные рядышком под забором.

Трое мужчин. Все явно одной из национальностей Северного Кавказа. Сразу появилась версия, которой хотелось бы держаться, чтобы ситуация не переросла в сверхсложную. Месть – такая версия устроила бы всех...

2

Любоваться плодами своего труда Вадим Александрович никогда не любил. Он только проконтролировал происходящее, чтобы быть уверенным в необязательности своего дальнейшего вмешательства. На всякий случай, конечно, пистолет приготовил, чтобы завершить начатое, если осколков гранат на всех не хватит. Вообще-то, можно было бы прихватить и автомат из ментовской машины, но Вадим Александрович слишком уверен был в своем умении общаться с пистолетом, тем более с таким хорошим, как «беретта-92», чтобы еще с автоматом бегать, рискуя быть замеченным. Просто незнакомого человека увидят – это одно. Здесь, в пансионате отдыхают и лечатся многие люди, и всех не упомнишь. Потому и внимания особого не обратят. А увидят незнакомого человека с автоматом – совсем другая реакция. И если человек пистолетом владеет достаточно хорошо, может быть, в какие-то моменты, даже лучше, чем автоматом, дающим большой разброс при автоматической стрельбе, то к чему усложнять ситуацию. Конечно, из автомата тоже можно стрелять одиночными выстрелами, и тогда разброса не будет. Только зачем, если точно так же можно стрелять и из «беретты». Тем более что гранаты и без того должны сделать свое дело. У «Ф-1» поражающая сила такая, что ее хочется назвать не силой, а поражающей мощностью...

Но контроль заставил Вадима Александровича усомниться в результате...

Три человека... Должно было быть не меньше семи.

И потому Вадим Александрович задержался дольше, чем допускали правила. Не любовался, а смотрел, не сразу соображая, на что решиться. Взорвались уже обе гранаты. Первая взорвалась после открытия двери, как и планировалось. Но вышел один. Посмотреть... Хозяин дома, местный, не слишком умный директор... Он, не отличаясь особой сообразительностью и вообще боевой подготовки не имея, еще не понял, что просто так сразу большим пламенем дом не возгорается... Любой пожар с искорки начинается, и только потом искорка становится пламенем. И потому даже не думал о своей безопасности, когда в окно увидел сразу большое пламя, бегущее по стене и по крыше. Да и звон разбившейся бутылки тоже должен был слышаться... Но выскочил сдуру... За что тут же и поплатился. После взрыва гранаты еще двое выскочили. Эти уже все поняли, сориентировались, но заживо сгореть не желали и бежали, профессионально пригибаясь, ожидая, что по ним стрелять будут... Не в кусты бежали, потому что кусты показались им слишком сложными для преодоления, а по дорожке к калитке. Естественно, «картошка» их дожидалась и похвалила их аппетит... Но должны были быть еще четверо... Должны были... Но они не показались...

А уходить было уже пора. Совсем пора... Немедленно... И Вадим Александрович ушел, потому что крики людей, услышавших взрывы и увидевших пожар, были уже совсем рядом, а в доме, охваченном пламенем, находится никто, наверное, не захотел бы... Еще десяток минут, и крыша рухнет, если никто не поспешит пожар потушить... Деревянные дома горят, сами восхищаясь скоростью собственного горения...

Уходил Вадим Александрович тем же путем, которым пришел, только пришлось сделать три небольших круга, потому что навстречу ему бежали люди, с которыми встречаться при всей приветливости и наивности местного населения не хотелось. Но стоило пересечь дорогу

и выйти в заросшее высокой травой поле, как уже никого видно не стало. Только при взгляде через плечо заметно было пламя, рвущееся в небо...

На тропинке посреди поля, определив уже, что никого рядом нет, поскольку обзор здесь хороший, Вадим Александрович вытащил трубку «мобильника», включил ее и набрал знакомый номер.

– Слушаю... – не сразу прозвучал сдержанный ответ.

Сдержанность естественная. Вадим Александрович звонил с трубки кого-то из ментов, и абонент не мог знать, кто звонит. Да и время для звонка уже позднее. Кто-то может в такое время спать. Или дома кто-то спит – жена, ребенок...

– Олег, это я... – Вадим Александрович не представился, понимая, что его голос там, вдалеке, должны узнать.

– А-а... Понял... И как дела? – поинтересовался Олег, равнодушно позевывая, показывая кому-то там, рядом с собой, свою малую заинтересованность.

Вадим Александрович понял, что Олег не один и потому говорит так нарочито.

– В доме, кроме хозяина, было только двое?..

– Нет, я точно помню... – Слово «помню» тоже было из лексикона, предназначенного для посторонних. – Должно было шесть человек приехать. Полный набор специалистов по всем необходимым профилям... Таков был договор...

Опять равнодушная речь Олега ничего не говорила тому, кто рядом находился. А в это время рядом была, скорее всего, жена, которая в курс дел мужа вникать не должна. При малолетней внучке Олег разговаривал бы свободнее.

– Двое... Я подождал... Перепроверился...

– Это хуже... Это то же самое, что ничего не сделать... Четверо где-то гуляют...

– И что?

– Приказать не могу... Могу только попросить... Выполнить...

Вадим Александрович вздохнул обреченно, но он ждал именно этого, понимая, что, кроме него, с этой работой никто не справится.

– Понял. Работаю... Но у меня не хватает данных... Где искать остальных?

– Я сейчас попрошу подобрать для тебя информацию... Позвоню завтра в десять ноль-ноль... Постарайся в это время быть готовым к приему...

– Я буду один.

– Договорились... Устраивайся пока сам... Отдохни.

– Я устраиваюсь. На отдых... Уже самогонкой запасся...

И Вадим Александрович, чтобы не уточнять обстоятельства своего устройства, сразу отключил трубку. Подумал, снял, недолго промучившись в темноте, заднюю стенку, вытащил сначала аккумулятор, потом sim-карту, последнюю сломал пополам и выбросил, а аккумулятор вставил на место. После этого не бросил, а аккуратно положил трубку на тропу на видном месте. Кто-нибудь из местных найдет. Сгодится. А зарядное устройство подкупить догадаются сами или кто-нибудь подскажет. Не местные найдут, так отдыхающие в пансионате... Сейчас там, кажется, дети отдыхают и лечатся... Из малообеспеченных семей... По крайней мере, в одном из корпусов точно... Вовка говорил... Этим тоже трубки нужны... Может быть, больше, чем ментам...

Навстречу никто не попался. Только недалеко от дома Вовки сидела тощая собака с наполненными молоком сосками и с вопросительно высунутым языком, с любопытством наблюдая за незнакомым человеком. Но не лаяла и только носом в сторону Вадима Александровича тянула. За окнами дома Вовки света по-прежнему не было. Вадим Александрович, прислушавшись, легко подтянулся и запрыгнул на подоконник. Свет луны комнату все же делал не полностью темной, хотя там было, конечно, гораздо темнее, чем на улице. И было видно, как неуклюже лежит, свесив на пол одну ногу без валенка, которые он носил и зимой и летом,

на своей кровати Вовка. Вторая нога, в валенке, согнутая, была на кровати и смотрела в потолок острой коленкой. Вадим Александрович прошел к противоположному окну, выглянул и как раз увидел, как зажегся свет в доме стариков. Потом и окно открылось. Кто-то смотрел вдаль, на зарево, высоко поднявшееся над деревней. И шум, голоса с места пожара даже сюда доносились. Выглядывающего было не видно из-за острого угла, но это могли быть только или старик, или старуха...

Предвидя, что дальше будет, Вадим Александрович нашел свой стакан с самогонкой, одним движением опустошил его, чтобы приобрести необходимый запах, и лег на старый, может быть, ровесник самого Вовки, диван, хотя знал, как неудобно на этом диване спать. Пружины острыми краями стремятся прорваться сквозь плотную обшивку и колют бока. Хорошо, что диван старый. Тогда обшивку качественную ставили. Нынешняя давно бы уже прорвалась, и диван можно было бы выбрасывать, потому что спать, когда через каждые десять сантиметров в тело втыкается шило, невозможно. И лучше не пытаться...

Умение предвидеть не обмануло Вадима Александровича. Прошло чуть больше трех минут, когда за окном послышался обеспокоенный старушечий голос:

– Вовка... Вовка, козел небритый...

Естественно, Вовка не отозвался. Он и трезвый, и разбуженный, может быть, не отозвался бы, потому что позволял себе шевелиться только тогда, когда необходимо было за бутылкой сбежать. Но тут-то он бегал на олимпийском уровне...

Вадим Александрович тоже не отозвался, поскольку звали не его. К тому же пришлось задуматься, представляя себе бритого козла. Воображение представило внутреннему взгляду довольно любопытную картину. Но долго думать ему не дали, потому что голос прозвучал снова:

– Вовка, скотина пьяная...

Только тогда Вадим Александрович встал, распахнул окно во двор и лениво, демонстративно потягиваясь, выглянул.

– Спит он... Чего надо? – спросил недовольно и хрипло, как и должен был спрашивать, находясь в определенном состоянии и не особенно радуясь, что его разбудили.

– В пансионате чтой-то творится... Горит все, как в войну... Мы со стариком тушить бежим...

– Ну и бежите... А я чего? Помочь, что ль? – Вадим Александрович зевнул так звучно, что просто должен был старуху зевотой заразить.

– А то как... – в старушечьем голосе послышалось возмущение. – Беги быстрее... И Вовку подымай... Тоже пусть бежит...

Но сама тут же, словно в ответ Вадиму Александровичу, громко зевнула. Была бы у нее вставная челюсть, обязательно бы при таком зевке выпрыгнула. А поскольку вставной челюсти не было, а в своей не было зубов, зевок походил на надсадный смех рыбы.

– Он, кажись, неподъемный...

– Много выпили? – В голосе старухи звучало завистливое любопытство.

– По бутылке...

– Тогда хрен встанет, хоть его дом гореть будет...

От калитки раздался треснутый голос старика.

– Пойдем ты с нами...

– Да я сам еле стою... Ну, да, ладно уж... Такое дело... Сейчас, штаны надену...

Штаны надевать ему не надо было. Но он чуть-чуть задержался – только на время, необходимое, чтобы одеться. И вышел, слегка пошатываясь, но не слишком сильно.

* * *

Вообще-то, грубо говоря, пожар тушить им не пришлось. Без них было кому этим спешным делом заняться, да и пожарная машина в местном гараже, оказывается, имелась, только стояла почему-то без воды – пришлось пожарникам сначала за водой ехать, а потом уже пожар заливать. Но к тому времени, когда Вадим Александрович со стариками пришел, пожарники уже с водой приехали. В дополнение откуда-то притащили несколько пенных и порошковых огнетушителей, и здешние мужики справились с ними довольно ловко. Огонь распространился по стене только с наружной стороны, но схватил уже крышу. Огнетушителями стену затушили быстро, и хорошо, что огнетушителями работали, потому что водой «коктейль Молотова» залить невозможно. Крышей занялась уже пожарная машина. Там вода с делом справилась, и обгорела и провалилась только часть крыши. Весь дом изнутри тоже был залит водой. После второго рейса на дозаправку пожарники воду не жалели, но изнутри и пламени почти не было, а вода больше разрушала. И пожарники разрушением директорского дома занимались с наслаждением. На всякий случай пожарная машина и третий рейс на дозаправку сделала, но кто-то пожарников остановил:

– Хватит, и так наводнение устроили...

Но «коктейль Молотова», несмотря на значительное время, даже к удивлению самого Вадима Александровича, все еще не сторел полностью, и в лужах плавало несколько островков огня. Хотя вполне возможно было, что это вовсе и не «коктейль Молотова», а в доме были какие-то запасы масла, и горели именно они.

– Горит еще, – с удивлением сказал Вадим Александрович.

– У него система отопления маслом залита, – ответил мужик, распорядившись работой пожарников. – Трубы лопнули, растеклось...

Рядом стояли еще несколько машин, фарами освещали пространство, хотя огня от дома, пока его не потушили, вполне хватало, чтобы видно было, что тушить, и лишняя иллюминация была не нужна.

– Эй, помоги-ка, – позвал Вадима Александровича какой-то долговязый и сильно не бритый, хотя еще и не бородатый мужик, показывая на другую сторону дома.

– Чего там? – поинтересовался Вадим Александрович лениво.

– Жмуриков отнесем... А то шашлыком подгорелым противно вонять будет...

Двоих окровавленных убитых, взяв за руки и за ноги, с дорожки отнесли к самому забору. Как раз к месту, где Вадим Александрович пробирался во двор. Забор здесь был уже благополучно сломан, и все следы пребывания Вадима Александровича в этом месте удачно затоптаны. Трупы уложили один рядом с другим, как в строю. Подошел какой-то мужик с чемоданчиком, должно быть, фельдшер, пощупал пульс...

– Черные, – сказал небритый мужик то ли с презрением, то ли с удовлетворением. – Гости директоровы... Туда им и дорога... Теперь за директором пошли...

– Ясно, что черные, – отозвался мужик с чемоданчиком. – Подкоптились... На таком-то жару... И ты сейчас почернееешь... Директора неси...

Подойти к директору было трудно, он лежал рядом с горящим домом, и жар был настолько сильным, что пришлось взять у пожарников брезентовые куртки, чтобы накрыть ими головы, иначе волосы могли сразу в пепел превратиться... Но все же с двух заходов, с коротким отдыхом на остывание, и с этой работой справились. Распрямили вспотевшие спины...

– Закурить давай... – Не спросил, а нагло потребовал мужик, вытирая черный пот со лба.

– Не курю, – почти виновато ответил Вадим Александрович.

Мужик вытащил свою пачку «Примы», задымил с удовольствием, словно не наглотался дыма на пожаре.

- Тогда выпить налей... С собой?
- В доме осталось...
- В каком?
- У Вовки... – Вадим Александрович кивнул в сторону соседней деревни.
- У Машкина, что ль?

Вадим Александрович плечами пожал и повторил просто, легко включаясь в местную манеру разговора:

– У Вовки...

– У Машкина, у Машкина... С им они пили, – сказала старуха, подходя ближе, чтобы посмотреть на убитых, и неожиданно плюнула на труп директора, показывая свое отношение к погибшему.

Где-то в небе вертолет затрещал, захлопал лопастями. Низко летел, и потому за деревьями его не видно было.

– На поле сядет, – сказал пожилой мужик, что командовал пожарниками. – Машины разверните туда фарами, чтоб показать... Это менты прилетели... Я вызвал.

Его послушались. Когда при подобных происшествиях кто-то один находится и командует, его обычно слушаются...

* * *

Зная понаслышке обстановку в российских регионах, Вадим Александрович предполагал, что у местных ментов нет и не может быть своего вертолета. Более серьезные ментовские структуры своих вертолетов не имеют и в случае экстренной необходимости заказывают, иногда даже у военных. Да и аэродрома в районном центре не было. Значит, вертолет прилетел издалека. Скорее всего, из областного центра. Это уже была информация к размышлению, которая легко читалась опытным человеком, и информация эта настораживала, хотя пока мало что говорила. И уж конечно, у вертолета с начала событий в пансионате не было времени, чтобы от областного центра долетать сюда так быстро. Следовательно, прилет вертолета связан не с пожаром и взрывом гранат, а с появлением здесь самого Вадима Александровича, что произошло чуть раньше. Вылетели они еще до того, как здесь все началось. Почему вылетели, если хорошенько подумать, станет понятным тоже... Значит, менты или следственная бригада прокуратуры пожаловали в гостиницу, поковырялись, собрали что могли, сняли отпечатки, понюхали его носки, потом передали по компьютеру отпечатки пальцев в областной центр на идентификацию, а там, недолго думая, в Москву переправили, а уже в самой Москве по какой-то еще неясной пока причине зашевелились и быстро связались с дактилоскопическим отделом Интерпола, получили срочный ответ и передали данные в область. Это единственная причина. Иначе не могла бы подняться такая суета. По случаю пропажи четырех ментов с машиной никакая бригада из областного центра не сорвалась бы с места так оперативно. Ментов бы вообще искать только утром начали. Да и то предоставили бы заниматься этим делом местным кадрам. А эти, с вертолета, прилетели искать его, Вадима Александровича... Интерпол мог много наговорить... Там досье должно быть серьезным... А просто за серьезным человеком и приедет, то есть прилетит, серьезная бригада из областного центра, поскольку на местных справедливо не понадеются... Есть уже сегодняшней повод не надеяться на местных...

И очень хорошо, что старик со старухой позвали Вадима Александровича сюда. По крайней мере, он будет относительно в курсе событий, поскольку полностью быть в курсе событий не может. И лицо, и фигура его здесь уже примелькались, и люди его видели помогающим. Это хорошо... Можно будет и рядом со следственной бригадой повертеться, и не вызвать подозрения...

Первым встречать прилетевших, сильно косолапя, двинулся тот пожилой мужичок, что командовал тушением пожара. За ним, отставая на три метра, увязался долговязый, а за долговязым, вроде бы как компаньон его и напарник, двинулся и Вадим Александрович. Просто посмотреть... Любопытство человеческое всегда считалось вечным двигателем прогресса...

И ситуацию Вадиму Александровичу удалось оценить сразу, как только прибывшие из вертолета выгрузились. Первый – ментовский подполковник, конечно, начальник местного райотдела. За ним, следовательно, залетели в райцентр. То есть туда и летели сразу, но на бегу связали происшествие в пансионате с личностью постояльца гостиницы и полетели дальше, добавив пару пассажиров. Второй пассажир выбрался из вертолета последним. Вадим Александрович узнал человека, чья «Ока» должна была использоваться по первоначальному плану, – им был прокурор межрайонной прокуратуры. Благодаря неумелым действиям местных ментов прокурор остался неосмеянным. Но сам об этом, конечно же, не догадывался... Но об этом думать было некогда, потому что Вадима Александровича гораздо больше заинтересовал человек, вторым покинувший вертолет. И даже не сам человек, а его камуфлированный костюм, такого же зеленого цвета, что и у Вадима Александровича. Не серый, ментовский, а зеленый, армейский... И уже вблизи удалось различить нарукавную эмблему...

Кажется, дело начало приобретать не слишком приятный оборот, и по большому счету следовало бы убираться отсюда далеко-далеко, пока не начались осложнения. Но убираться после того, как дал обещание доработать до конца, – это было не в правилах Вадима Александровича.

Почему в дело вмешалась ФСБ? Нет здесь поля деятельности для такой серьезной организации. У ФСБ другие функциональные обязанности и совсем иная сфера интересов. Пусть и из областного центра, но прилететь должна была следственная бригада МВД, поскольку именно сотрудники МВД начали это дело, и даже увязли в нем. Этот поджог дома директора и установка взрывных устройств могут, конечно, квалифицироваться как преступление, носящее признаки терроризма. Но следственная бригада вылетала, не зная еще о происшествии в пансионате. Откуда тогда они здесь взялись? Или данные из Интерпола оказались настолько интригующими, что на Вадима Александровича объявлена большая международная охота? Это возможный вариант, но возможный только с большой натяжкой... Нет за Вадимом Александровичем очевидных дел в России, которые могут привлечь внимание ФСБ. Конечно, хорошо бы узнать, из какого отдела этот подполковник. Тогда многое встало бы на свои места. И поэтому следует быть поближе к следственной бригаде. Даже легкую назойливость можно проявить. Они постараются собрать информацию от местных жителей, и, если разбирательство будет происходить здесь же, на месте, можно будет услышать кое-что интересное, потому что допрашивать в таких случаях стараются всех сразу, не составляя протокола, а задавая вопросы, на которые кто-то один отвечает, а остальные его дополняют. Это просто сбор сведений, предусматривающий дальнейшую быструю раскрутку. И здесь можно будет кое-что выудить...

* * *

С одной стороны, выудить много не удалось. Но один факт уже встал на свое законное место, что-то прояснив... Еще до общего разговора из уст подполковника ФСБ прозвучала фраза с именем. С кличкой то есть... Если Призрак или Фантом стал фигурировать здесь, значит, понятно, что следаки прибыли сюда такой солидной компанией только ради него одного. Умудрись кто-то поджечь и взорвать всех директоров всех пансионатов в стране, и то не было бы нынешней активности ФСБ. А появился Призрак, и они тут как тут...

Но тут же прозвучала еще одна фраза про вскоре прибывающую московскую бригаду. Это, понятно, еще сильнее заинтересовало Вадима Александровича, потому что прилет следственной бригады из Москвы для него, человека не слишком амбициозного и не страдающего

манией величия, был нонсенсом. Такая бригада могла бы прибыть только в том случае, если бы за ним был какой-то след на территории России. А такого следа пока не было, и потому не понятно, по какой причине такие значительные силы брошены на его преследование. Опыт подсказывал, что должна быть причина посторонняя, ему неизвестная, но причина значительная настолько, что серьезные организации готовы средств и времени не жалеть. И невольно возникла какая-то связь с тем, что делал он здесь, в пансионате, во дворе у директора пансионата, и тем, что беспокоит сыскарей ФСБ...

А что делал он здесь?

По большому счету Вадим Александрович даже не знал толком цель, которую преследует его акция.

Его даже не на работу, грубо говоря, наняли, как это делается обычно... Его попросили выполнить задание, естественно, с оплатой... Попросили... Вернее, вынудили попроситься... Ненавязчиво вынудили... И не больше... Попросил человек, которому отказать было возможно, но отказывать не хотелось, потому что слишком приятно было этого человека встретить и ощутить, что есть еще на свете люди, которые помнят, что ты был, и не знают, что тебя уже нет... С этим человеком можно было спокойно поболтать о разных разностях, вспомнить давнишних знакомых, узнать, кто из старых приятелей умудрился в живых остаться и кто чем сейчас занимается...

Олег Лавренев, подполковник спецназа ГРУ в отставке, бывший командир роты, в которой Вадим Александрович служил командиром взвода, а потом и командир батальона, который давал рекомендацию Вадиму Александровичу при переводе на службу в резерв командования, как тогда называли отдельные мобильные офицерские группы. Олег тогда Вадима Александровича отправлял, потом встречал, потом снова отправлял, еще раз встречал и еще раз отправлял, уже в последний, и больше, как часто случается в разведке, ничего о нем не слышал.

До того момента, как случайно встретились...

Случилось это через две недели после возвращения Вадима Александровича в Россию, когда он уже полностью избавился от иностранного акцента, так прилипающего к языку всякого русского, долго живущего за границей. Впрочем, это особенность не только русского языка. Сам русский на иностранные языки точно такое же влияние оказывает. Вадиму Александровичу в этом отношении было проще, потому что влияние обычно оказывает какой-то один язык. Так, долго живущие в Соединенных Штатах приобретают акцент американский и глотают окончания слов, живущие во Франции начинают слегка гнусавить. Переселившиеся куда-то на восток приобретают в голосе высокие птичьи нотки, а свежее испеченные африканцы часто грешат поиском слов со множеством согласных звуков. Некоторые, чтобы показать свой нынешний иностранный статус, начинают даже умышленно коверкать свою русскую речь. Вадиму Александровичу это было противно. Кроме того, он никогда долго не проживал ни в одной стране, и потому приобрести определенный акцент не мог, и русский в его речи, настоящий русский, по которому он успел основательно соскучиться, но не успел забыть, был сильнее всех других языков и акцентов.

Тогда Вадим Александрович неторопливо шел по московской улице, когда почувствовал на себе взгляд со стороны. Когда столько лет занимаешься ремеслом, выходящим за грань риска, подсознание невольно обостряется, и каждый взгляд чувствуешь, бывает, издали, и очень остро.

Естественным было на этот взгляд не повернуться, но определить его всеми остальными чувствами. Вадим Александрович определил. Человек стоял на том же тротуаре и откровенно глазел на него. Может быть, глазел даже испуганно или с негодованием, или агрессивно, это можно было узнать только при прямом встречном взгляде.

– Призрак... – прозвучало вдруг.

Это было уже совсем некстати. Правая рука Вадима Александровича плавно поднялась и почесала подбородок, чтобы не снизу характерным движением подниматься к подмышке, а упасть туда сверху, так и быстрее, и не сразу показывает твои намерения. И одновременно с движением руки начался поворот головы.

– Вадим... – прозвучало в дополнение. – Варягов...

Это чуть расслабило – давно забытая фамилия показалось чужой, но звучащей приятно, и это ощущение не дало руке попасть туда, куда она стремилась.

Вадим Александрович повернулся и увидел улыбающуюся физиономию своего бывшего командира и товарища по службе Олега Лавренева...

– Почему – Призрак? – все-таки спросил Вадим Александрович, встречно улыбаясь, но сохраняя настороженность. Кличка, которую дали ему спецслужбы мира, не должна была дойти до бывшего командира.

– Все мы призрак... Явления прошлой нашей жизни... Я уж про тебя столько лет ничего не слышал... Думал, сгинул где-то ненароком...

– Я выжил... Сначала сгинул, потом выжил...

– Нас этому хорошо научили... Выживать, – отчего-то вздохнул Лавренев. – И не только нас... Вся страна уже много лет выживает...

И непонятно было, про обучение страны он говорит или про обучение спецназа ГРУ, у которого занятия по выживанию преподаются отдельным курсом. Но это было не важно.

– Сначала в магазин, потом ко мне, – решительно отдал команду Олег. – Я знаю магазин, где водка точно не отравленная... Тебе одному покажу... Я сам, правда, после инфаркта... Больше бутылки не осилю... Но ты – сколько хочешь...

– Я тоже сильно не увлекаюсь.

ГЛАВА 3

1

Вовремя появилась мысль. Надо подсказать, где находится «камера хранения» связанных ментов. Тогда они смогут дать словесный портрет Призрака. И словесный портрет этот будет отсылать взгляды ментов и прочих ко всем седовласым мужчинам. Не седовласые в этом случае могут быть до какого-то времени, пока поиск не выйдет на новый виток, спокойными. Следовательно, пока и к Вадиму Александровичу присматриваться никто не будет.

Он отошел в сторону от толпы, вытащил очередную ментовскую трубку, включил ее и набрал «01». Ответили сразу. Голос женский, следовательно, в районе, как во всех порядочных местах, есть диспетчерская, хотя этот райцентр к порядочным местам отнести можно с большой натяжкой. И не только по архитектурным особенностям населенного пункта...

– С дежурным по райотделу милиции меня соедините, – грубо, меняя свои естественные интонации, сказал Вадим Александрович, потому что знал об обязательной записи всех звонков на этот номер, чтобы можно было потом прослушать запись и идентифицировать голос. Умение менять тембр и манеру произношения слов он изучал специально и владел этим умением профессионально. В отличие от актера человеку его профессии не нужно было иметь узнаваемый голос.

– Вы можете оставить сообщение нам.

– Быстро соедините. Я ждать не могу, – рявкнул Вадим Александрович.

Прошла минута, прежде чем его соединили. Но возможности сельских ментов Вадим Александрович предполагал и понимал, что проконтролировать его местонахождение они не сумеют, потому что включатся в контроль не сразу. А фиксация номера ему ничем не угрожала, поскольку звонил он не со своей трубки. Собственную трубку Варягов даже из рюкзака пока не вытащил.

– Дежурный по районному отделу милиции капитан Лукошкин, слушаю...

– Послушай, Лукошкин... Ваши парни... Пропавшие... Пошли машину в сторону пансионата... Сразу после поворота с федеральной трассы второй съезд в лес... Направо... Я, кажется, не ошибся, второй... Но в темноте мог что-то пропустить. Не первый – точно. Делянка там... Лесорубы когда еще приедут... Парни ваши там... Комаров кормят... Будь другом, капитан, освободи их, а то мне некогда... А машина рядом с пансионатом стоит... И оружие там, в машине... Два автомата и пистолет лейтенанта... Поторопись, чтобы оружие никто раньше не нашел... Народ такой ведь – пострелять любят... Не вернут. А вам хлопоты лишние... И нагоняй... Поторопись, дружок... Поторопись...

– Кто это? – задал естественный вопрос капитан Лукошкин.

– Это я, – честно признался Вадим Александрович.

– Подождите минуту...

– Поищи дураков в другом месте, – такой вежливой фразой Вадим Александрович закончил разговор и отключился. Sim-карту постигла та же самая участь, что и предшественницу с первой трубки. Сама вторая трубка пока выброшена не была, поскольку эксперты только начали осмотр двора и окрестностей и могли бы подобрать ее. Это могло указать, что кто-то звонил в то время, когда следственная бригада была уже здесь.

А Вадим Александрович, неторопливо и изображая задумчивость, подошел к группе прилетевших на вертолете следаков, чтобы продолжить собственное наблюдение, поскольку его, как активного свидетеля и участника событий, гнать никто не собирался. И наблюдение

показало, что капитан Лукошкин поторопился предупредить своего начальника раньше, наверное, чем выслать машину в лес.

Ментовский подполковник торопливо вытащил трубку из глубины какого-то, похоже, необъятного кармана, глянул на определитель и ответил. Но разговаривал не громко и в стороне, и потому сам разговор и распоряжения подполковника услышать не удалось. Но удалось услышать, что мент сказал подполковнику Кондратьеву:

– Призрак позвонил нашему дежурному...

Подполковник ФСБ чуть не подпрыгнул. Вадиму Александровичу его реакция понравилась – значит, ценят и не держат за залетного лоха...

– И что?

– Сообщил, где оставил связанных сотрудников райотдела. В лесу... На делянке... Предложил побыстрее освободить, пока их комары не сожрали...

– Он неприлично добрый. Это не к добру, – громко хмыкнув, словно радуясь непонятно чему, заметил прокурор межрайонной прокуратуры.

– Я приказал машину выслать. Еще, кстати, Призрак сообщил, что наша машина, на которой он сотрудников увез, где-то здесь, рядом с пансионатом... В машине оружие... Тоже поторопился, чтобы посторонние оружие не нашли и нас не перестреляли...

– Заботливый, сволочь... – не удержался прокурор, за что удостоился недоброго взгляда Вадима Александровича. Впрочем, прокурор на Вадима Александровича не смотрел и взгляд не оценил.

– Он кто вообще-то по национальности? – поинтересовался начальник райотдела.

Подполковник Кондратьев плечами пожал:

– Было предположение, что он серб... Но утверждать трудно. По всем следам, что он оставил, можно только сказать, что он сильно недолюбливает американцев и англичан. И в Африке и в Латинской Америке в основном против них работал. В Гонконге тоже, но там еще и китайцам нервы подпортил...

– Но русским языком свободно владеет?

– Он многими языками свободно владеет... На суахили, как негр, говорит...

– И как его искать?

– Фоторобот делают? – спросил Кондратьев.

– Наши сотрудники сейчас как раз этим занимаются, – сообщил прокурор. – Пока только дежурная по гостинице и горничная в состоянии дать описание. Привезут захваченных ментов, они включатся... Пока из всего описания знаем, что он мужчина среднего роста, в возрасте, седовласый, волосы средней длины, прямые. Сам сухощавый, внешне – мягкий человек, не способный на решительные силовые действия. Голос тихий, ленивый, не решительный, почти просящий...

– Это кто такое описание дал? Чьи ощущения? Женщин? – возмутился подполковник Кондратьев.

– Женщин, – подтвердил прокурор. – У них все среднее, если человека не раздевать...

– Курицы... – определил начальник райотдела уровень мышления сотрудниц гостиницы, не понимая, что тем же самым достаточно точно определяет уровень своих подчиненных ментов. – А в полет стремятся...

Таким образом, Вадим Александрович услышал о том, как его представляют и каким он не должен казаться. По крайней мере, не должен казаться здесь и сейчас. Но тут же еще характеристика прозвучала:

– Да... Еще нос у него сломан...

Кондратьев по сторонам посмотрел:

– По этому признаку можно почти всех наших свидетелей брать под подозрение.

Вадим Александрович, зная о своем сломанном носе, посмотрел на своих собратьев по тушению пожара. И у долговязого, и у пожилого носы тоже были сломаны. Даже у старика, что вместе со старухой привел его на тушение пожара, нос был восхитительно изогнут чьим-то кулаком. Но, наверное, еще в молодости...

* * *

Следователи ФСБ быстро разобрались, что произошло во дворе. И место установки «растяжки» обнаружили сразу, почти не присматриваясь, и сообразили, где гости хозяина «картошку» копали... В принципе это сделать нетрудно, если хоть что-то понимаешь в подобных мероприятиях, несмотря на то, с какой стороны ты в них что-то понимаешь, со стороны устанавливающего растяжку или со стороны того, кто разбирается с последствиями.

Вадим Александрович мысленно оценил профессионализм как средний по уровню.

Потом выговор получил пожилой командир пожарных, словно он был ответственным за все, что тут происходило. Оказывается, не следовало трогать тела. Убедились, что убиты, и оставили бы на месте в тех позах, в каких они лежали.

– Если бы просто поджарились... – сказал, ни к кому конкретно не обращаясь, долговязый. – А то они подгореть норовили... Пахнет противно... Особенно, когда кости горят... Не ради них оттащивали... Запах противный не люблю...

Вот этот человек и говорил лениво, как тот седовласый из гостиницы, и цветом волос подходил, хотя имел короткую прическу и ростом выступал далеко за пределы среднего.

– Нюхал, что ли? – спросил подполковник ФСБ.

– Приходилось...

– Воевал?

– Не-а... Не довелось...

– В армии-то служил?

– Десантура... – с гордостью пробасил долговязый. – Нас учили ко всему привычными быть... Только это когда уж было... Я в семьдесят первом дембельнулся... И ничего, и трупы перенес с ним вон... – кивнул долговязый на Вадима Александровича.

– А ты? – спросил подполковник. – Воевал?

– Афган... Восемьдесят первый – восемьдесят второй...

– Тоже – десантура?

– Тоже, – сказал Вадим Александрович.

– Вот, со своим человеком работал, а не знал, – заметил долговязый.

– Вы что, не знакомы? – Подполковник, кажется, всем интересовался.

– Я тут в гости приехал, – сказал Вадим Александрович. – По грибному делу...

– В который уж раз приезжат, – чуть не из подмышки долговязого высунула голову старуха, соседка Вовки. – С соседом нашим самогонку без закуски хлещут...

– Хорошая самогонка? – Подполковника интересовало и это.

– Лучше магазинной водки, – спокойно заметил Вадим Александрович. – Меньше угроза отравиться.

– Тоже верно. Ладно... Десантура... Давайте вспоминать, как тела лежали...

Вот странно, как лежал директор, несмотря на всю сложность обстановки, при которой его приходилось вытаскивать, закрыв головы брезентовыми куртками, оба вспомнили точно, и один другому не противоречил. Что касается директорских гостей, то здесь мнения разошлись, причем сразу по обоим трупам. Вадим Александрович был уверен, что показал правильно, но и долговязый мужик тоже в своей памяти не сомневался. Но спорить Вадим Александрович не стал бы, если бы не его положение. В данном случае он исходил из того, что подозреваемый не должен высываться слишком яростно. Если он не боится высываться, значит, в

подозреваемые себя не записывает. И он на своем настоял, и даже не побоялся занять места убитых, показывая позу каждого, когда они вместе с долговязым подошли к трупам. И один из экспертов прямо по булыжникам дорожки обвел мелом очертания Вадима Александровича.

– Пить надо меньше, – сказал долговязый. Ему, кажется, вообще все было не важно, лишь бы настоять на своем, пусть даже и неправильном. – Этот, который здесь, вообще на спине лежал, а не харей в камни...

– У него в спине куча осколков... Тогда бы все камни под спиной в крови были, – возразил Вадим Александрович вполне категорично, памятуя, что в гостинице его восприняли как человека, не способного к этой самой категоричности. И пусть гостиничным характеристикам никто не поверил, но поверили, что такой манерой поведения Призрак маскируется. А это была уже маленькая ориентировка для определения и поиска.

Подполковник слушал внимательно, что-то соображая. Выведенные мелом очертания сфотографировал эксперт. И при свете вспышки Вадим Александрович заметил, что подполковник к нему внимательно приглядывается. Взгляд этот понравиться не мог – слишком он был напряженным.

Вадим Александрович мысленно прикинул все, что он сказал за этот вечер, потом так же быстро проанализировал все свои действия, представил услышанное описание, которому он сейчас полностью не соответствовал, – и не нашел ни одного прокола, даже скользкого места не нашел, где он, грубо говоря, ступил не слишком уверенно. Нет... Это просто взгляд сыскаря, который хочет отметить в памяти все, что видит, надеясь, что когда-то потом в нужный момент недостающий факт может всплыть в воспоминаниях и замкнуть кольцо выводов.

В это время к двору одновременно подъехали три автомобиля, и в стороне над лесом послышался низкий звук вертолетного двигателя.

– Наши приехали, – сказал прокурор межрайонной прокуратуры начальнику райотдела. – А почему только три машины? Где четвертая застряла?

– Машины все в таком состоянии, что вполне могут по такой дороге и не доехать... – начальник райотдела произнес это намеренно громче, чем говорил все остальное, чтобы подполковник ФСБ обратил внимание на фразу. Пусть он и не начальник, но может что-то своему начальству шепнуть между делом. Там дальше пойдет... Так и куда следует информация тоже поступит. – Встречать пойдем...

Идти далеко не пришлось. Машины подъехали прямо к двору, следственная бригада и ментовский наряд вышли, а подполковник Кондратьев распорядился машины отправить на стадион, чтобы осветить место посадки для московского вертолета, несмотря на то, что у того под «брюхом» имелись мощные прожекторы, которые как раз в это время осветили весь двор директорского дома. Но здесь тяжелой машине сесть было негде, и, видимо, выслушав по связи подсказку экипажа вертолета областного управления ФСБ, московский вертолет скоро к стадиону направился.

Начальник райотдела поговорил со старшим своего наряда и к подполковнику Кондратьеву подошел.

– Нашлась пропавшая машина... Рядом с нами стоит... По ту сторону дороги... Одна наша машина там же, осматривают место, отпечатки снимают. Оружие на месте, не тронут.

– Что-то все это на Призрака не похоже... – сказал задумчиво Кондратьев. – Вы уверены, что с отпечатками не напутали?

– А что нам путать? – сказал прокурор. – У нас отпечатков Призрака не было... Мы послали только то, что здесь нашли...

– У нас есть психограмма Призрака, – сказал подполковник ФСБ. – Из Интерпола предоставили... Чтобы нам жизнь облегчить...

– Это что такое? – поинтересовался начальник райотдела.

– Эта заключение психологов на основании всех известных предыдущих его преступлений – как он может вести себя в какой-то конкретной ситуации. Так вот, Призрак – человек предельно жесткий, не оставляет свидетелей. Не уродует, не ранит... Убивает наповал... И не связывает ментов... И оружия в машине не оставляет... Ни своего, ни чужого...

– Может, Интерпол что-то напутал? – предположил прокурор межрайонной прокуратуры.

– Компьютер...

– Не верю я компьютерам... Глюканут, и все...

– Что-то здесь другое... – Кондратьев подбородок почесал и глянул на долговязого мужика. – Что скажешь, десантура?

– Скажу, что почетную грамоту человеку надо давать, что избавил всех от этого... – кивнул долговязый в сторону трупов, которые эксперты осматривали.

– А ты что думаешь? – Подполковник ФСБ повернулся к Вадиму Александровичу.

– А я не могу возразить против авторитетного мнения, – Вадим Александрович глянул на долговязого, – поскольку мало что знаю в местной обстановке... Но хорошего о директоре слышал мало... Просто ради развлечения людей даже дети не взрывают... А дети – самые жестокие люди на свете...

– Товарищ подполковник!

Один из экспертов подошел к командной группе, уже готовой отправиться к месту посадки московского вертолета, и молча протянул Кондратьеву пистолет и револьвер.

– В поясной кобуре на спине... У того и другого...

– Да и у директора, если поискать, – сказал долговязый.

– У директора оружия не обнаружено.

– Значит, в доме...

Подполковник рассмотрел оружие.

– «Вальтер», калибр 7,65, и французский полицейский револьвер «манурин», – сказал со знанием дела. – Это уже интереснее. Кто по национальности был местный директор?

– Кавказец, – сказал долговязый мужик, считая, что этим все сказал.

– Это национальность? Я про национальность спрашиваю...

Долговязый только плечами пожал. У Вадима Александровича, как у приезжего, можно было не спрашивать, хотя Кондратьев все же посмотрел на него, потом повернулся к пожилому, командовавшему пожарными.

– Надо водителю позвонить... Он с ним домой к директору ездил...

– Где водитель?

– Он в другой деревне живет... За рекой...

– Позвони... Пусть сюда явится... Поговорить надо...

* * *

На сей раз, встречая московскую следственную бригаду, подполковник Кондратьев запретил долговязому мужику и Вадиму Александровичу идти за ними.

– Подождите здесь... С вами наверняка пожелают побеседовать...

Вадим Александрович увидел вдруг Вовку Машкина, который махал ему рукой, вырываясь из цепких рук старухи-соседки. В руке у Вовки блеснула при свете фар бутылка.

– Вовка проснулся... – позвал Вадим Александрович долговязого мужика. – Выпить принес... За мной, десантура...

После трудов праведных выпивка долговязому казалась очевидной наградой, и было безразлично, кто намеревается эту награду вручить, и потому он двинулся за Вадимом Александровичем без вопросов.

– А ты чего меня-то не поднял? – спросил Вовка, передавая бутылку Вадиму Александровичу, чтобы старушечья рука все же не дотянулась до нее.

– А ты чего не встал? – в тон ему спросил Вадим Александрович навстречу. – Меня вон твоя соседка сразу разбудила...

Соседка так и не уходила, хотя делать на месте потушенного пожара ей было совершенно нечего, как, впрочем, и другим местным жителям. Тем не менее они только сейчас начали собираться со всех трех окрестных деревень. Поговорить было о чем, и лица у всех были почти довольные. Но старуху не интересовали односельчане, она вдруг откуда-то пыльный пластиковый стакан притащила.

– Половинку налей-ка нам с дедом...

– Иди, бабка Клавка, иди, – почти мягко послал ее куда-то долговязый. – И не возвращайся сюда... У меня в машине стакан есть, пойдем...

Машина долговязого стояла среди других машин, освещающих окрестности. Он выключил фары, оставив только габаритные огни, и распахнул все четыре дверцы, чтобы сквозняком комаров выдуло. Вовка на переднем пассажирском сиденье устроился, Вадим Александрович на заднем почувствовал себя вольготно...

* * *

Ушедшие встречать московский вертолет вернуться не торопились. Должно быть, на месте обсуждали первые результаты, и Вовка еще раз успел сбегать за бутылкой. Благо, теперь бежать было недалеко – пятьдесят шагов до двухэтажного многоквартирного дома. Одну из своих порций Вадим Александрович успел вылить в открытую дверцу прямо на траву. Остальные пришлось выпить. Ночь была теплой, почти жаркой, хотелось расстегнуть куртку, но кто-то со стороны мог заметить пистолет в подмышечной кобуре. «Беретта-92» имеет солидные размеры, и спрятать ее не так просто. И потому Вадим Александрович предпочитал потеть. Вторая бутылка уже подходила к концу, когда прибежала бабка Клавка.

– Вас зовут... Идите...

Долговязый, издеваясь, сунул было недопитую бутылку в карман, наблюдая за реакцией посыльной, потом ухмыльнулся и отдал бабке. Все равно, если на троих разливать, каждому по половине глотка достанется, не больше. Но свою щедрость долговязый показал, распорядился как своим добром...

Бабка Клавка зашпешила с бутылкой вовсе не туда, где ее дед дождался, а в сторону кустов, вытаскивая на ходу из кармана пластиковый стаканчик.

– Пьет бабка-то? – чуть горько усмехнулся Вадим Александрович.

– А кто сейчас в деревне не пьет... – Долговязый мужик еще и вдумчивым философом оказался. – Что здесь еще делать, если здесь все под такими вот директорами ходят... Вовка вон с каких пор пьет, а? Спроси его...

– Как с работы за пьянку выгнали... Так и запил сразу...

– А как выгнали, не знаешь? – Это уже долговязый у Вадима Александровича спросил.

– Как?

– А здесь у директора манера такая... Даст за что-нибудь денег... Попросит сделать и денег даст... Сам, без ведомости... Не много, только на бутылку... А через час тебя отлавливает, и – ага... Пьяный на работе... Увольняет... А другой работы в округе нет... Вызывает он через недельку и снова на работу берет... Только ты потом ему половину зарплаты отдаешь... Ему лично... Домой или в кабинет приносишь... Вот Вовка и не захотел отдавать... Уже два года пьет... И я пью...

– А живете на что?

– А кто на что... Я вот багажник металлоломом загружу, сдам... На то и живу... И на бензин хватит, и жену подкормить, чтоб в огороде ноги не протянула...

– А металлолом под ногами валяется?

– Здесь много чего под ногами валяется... Рядом пионерский лагерь... Был... Сейчас бери, что хочешь, и продавай... Там даже сторожа нет... Тем и живем, что или директоров кормим, или сами выживаем... И никому не нужны...

* * *

Московскую следственную бригаду разговоры с местными мужиками интересовали только в одной плоскости: что за гости были у директора пансионата, кто видел их, как часто гости приезжали... Москвичи допрашивали каждого по отдельности. Вадима Александровича, как человека постороннего здесь, на допрос даже не пригласили... Не стал беседовать с ним и подполковник Кондратьев, только потянув носом и уловив запах свежего самогона... А что с ним говорить... Что может сказать приезжий, мало чем отличающийся от местных пьяниц...

Сам Вадим Александрович прочитал все эти мысли в лице подполковника без проблем. И даже легкое сожаление уловил, словно бы разочарование...

– Ну и ладно, – вслух сказал он. – Хотя бы выплюсь...

– У меня еще есть полста рублей... – со вздохом сознался долговязый. – К Вовке?

Вадим Александрович вздохнул, зная, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Это означало, что пистолет ему придется прятать где-то в заросшем кустами огороде рядом с туалетом... Там, где крапивы больше... Прятать вместе с кобурой, потому что кобура без пистолета тоже вызовет вопросы, на которые ответом может быть только выстрел...

– Поехали, – властно позвал долговязый, кивая в сторону своей машины...

2

Прямо с утра полковнику Маврину не дали возможности дойти до своего кабинета и выпить стакан крепчайшего чая, без которого он обычно чувствовал себя полностью неработоспособным. Дежурный по управлению майор остановил Николая Васильевича жестом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.